

НА ДАМЕСК

р о м а н

ИВАН
КУЗНЕЦОВ

**АРХИВНЫЙ
ШИФР**

Иван Кузнецов

Намек. Архивный шифр

«Центрполиграф»

2022

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Кузнецов И.

Намек. Архивный шифр / И. Кузнецов — «Центрполиграф»,
2022

ISBN 978-5-227-09844-3

Приехав в Москву в поисках заработка, Коля Бродов случайно знакомится с Алексеем Извольским, страстным любителем старины, и становится его помощником в исследовании московских особняков. Николай узнаёт, что они обследуют здания, построенные таинственной, богатой и могущественной масонской ложей. Ключом к загадкам масонской архитектуры стал старинный документ, попавший в руки Извольского. Алексей намеревался обнародовать реликвию на научной конференции. Но на него напали неизвестные, в результате документ утрачен, а учёный стал глубоким инвалидом. Спустя годы Бродов пытается проникнуть в тайны старой Москвы, из-за которых люди, пытавшиеся их разгадать, были хитроумно и расчётливо убиты...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09844-3

© Кузнецов И., 2022
© Центрполиграф, 2022

Содержание

Пролог к роману А. Кенича «Ясные звёзды»	6
Часть первая	11
Глава 1	11
Отрывок из романа А. Кенича «Ясные звёзды»: Экспедиция	23
Глава 2	29
Отрывок из романа А. Кенича «Ясные звёзды»: В гостях в Новом Свете	43
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Иван Кузнецов

Намёк. Архивный шифр

© И. Кузнецов, 2022

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2022

© «Центрполиграф», 2022

* * *

*Я сам собираюсь
Роман написать —
Большецкий!
И с первой страницы
Героев начну
Ремеслу обучать
И сам помаленьку учиться.*

М. Светлов. Живые герои

Пролог к роману А. Кенича «Ясные звёзды»

– Господа, мы собрались в час роковой для Отечества нашего. Срок генерального сражения определён, и войска строятся в боевые порядки. Каждый из пришедших нынче на тайное собрание готов сложить голову на поле чести. Военным должно прибыть на позиции в назначенный срок. Среди нас присутствуют и люди штатские, на коих также возложена важная миссия. Но у тех, кои остаются в Первопрестольной, будет довольно запаса времени для приуготовлений к любому повороту событий. Меж тем братья, коим предстоит сражаться с врагом в открытом поле, принуждены торопиться и времени имеют в обрез. Посему я намерен пресекать длинные речи, и для себя считаю таковые в сложившейся обстановке роскошью недозволенной. В решимости вашей защитить Отечество великой ценой не имею сомнений, потому и не считаю ни необходимым, ни полезным призывать вас, братья, к верности долгу, тем паче – напоминать вам о нерушимости клятв наших. Скажу ещё лишь одно. Наши великие братья, предшественники наши провидели грядущий грозный час. Титанической силой Разума, соединённой с силою Любви, они создали Инструмент. Ныне мы собрались, чтобы распечатать и применить его – в великой надежде, что он поможет повернуть ход истории и укротить грозу, бушующую над Отечеством. Господа, я закончил. Поднимемся в Круглый зал.

Присутствовавшие на собрании в Рапирном зале выслушали оратора в молчании. Все они были укутаны в чёрные плащи от шеи до пят, лишь откинуты широкие капюшоны. Едва предводитель их кончил свою речь, кто-то из толпы повитых плащами негромко, но властно распорядился:

– Господа, прошу оставить здесь ваши накидки и оружие. Лестница наверх находится за дверью справа.

Они очень долго поднимались по лестнице. Свечей не брали с собой, поскольку путь прекрасно освещали им высокие окна. Подъём их был озарён белым светом утра. Они шагали тихо, размеренно, ни словом, ни даже громким дыханием ни один не нарушил сосредоточенной плавности процессии. Оратор, который был у них предводителем, шёл не впереди, а среди других и бережно нёс обеими руками тяжёлый вертикально вытянутый свёрток. Так мог бы служитель культа нести младенца в крестильную купель: с осторожностью, потребной хрупкому человеческому существу, и благоговением перед высшей силой, в нём сияющей.

Лёгкие шаги по широким белокаменным ступеням, потом – по крутым деревянным, прямые спины, мундиры с эполетами, едва различимое размеренное позвякивание шпор. Всё говорило о готовности этих военных вскочить в седло, едва окончив обряд, ради которого они собрались в Сухаревой башне.

Штатские – их было не много – изо всех сил старались казаться военным под стать.

Круглый зал располагался под самой крышей, в острой оконечности башни. Не всякому был открыт туда путь, и не всякому известен. Со светлой, удобной, ещё хранившей запах дерева лестницы, устроенной тут во время недавнего ремонта, процессия сошла и втянулась в не приметный арочный проём. Там встретила их новая лестница – витая, металлическая, узкая – грузному человеку не протиснуться.

Круглый зал казался огромен. Верх его совершенно терялся в темноте.

Тот, что властно отдавал распоряжения в нижнем зале, здесь самолично пошёл по кругу – зажигал свечи в настенных светильниках. Стены Круглого зала засияли нежно: гладкий коричневый мрамор отражал пламя. Мрамор имел тёплый оттенок, точно полированное дерево. По стенам вытянулся строгий строй полуколонн. Высоко, на уровне двух человеческих ростов, полуколонны упирались в карниз. Выше карниза – убегающий вверх, во тьму, крутой свод. Где и чем он оканчивался?..

Люди, сгрудившиеся было при входе, растекаются, образуют круг. По-прежнему хранят молчание, не то благоговейное, не то почтительное. Или же всего лишь дисциплинированно соблюдают ритуал? В центре круга, в центре зала, в самом центре суровой Сухаревой башни – малахитовая чаша. У неё толстые стенки, массивная нога прочно упёрта в наборный пол. Чаша диаметром в локоть.

От стены приносят и ставят к самой чаше ломберный столик. Он нелепо смотрится среди храмовой торжественности зала. На нём, словно сам собой, появляется чудной предмет из меди. Плод причудливой фантазии изобретателя-самоучки. Похож на прибор, которым пользуются моряки. На подставке вертикально высится большой, раскрытый на треть ширины циркуль. Под вершину циркуля подвешена половина шестерни – выпуклым зубчатым краем вниз. Вроде маятника. Подобно маятнику, она покачивается вправо-влево, вправо-влево.

Циркуль и угольник? Нет, вместо угольника – всё же половина шестерёнки. И конструкция целиком – не плоскостное изображение. Она объёмная; она живёт, движется.

Предводитель собрания бережно распеленал свой свёрток, и лица озарил нежный золотой свет – как будто на всех одновременно пали лучи утреннего солнца. Откликнулось золотое и серебряное шитьё на мундирах: затеплилось, ожило. Из всех уст вырвался единый вздох восхищения. Узкий и высокий пирамидальный сосуд с золотистой жидкостью оказался на ломберном столике рядом с медным «маятником» – эмблемой братства. Жидкость нежно, ровно светилась; замерцали медные линии «маятника».

– Брюсово наследство!

– Эликсир Новикова!

Одновременный тихий шёпот самых осведомлённых гулко отдался в высоких сводах.

– Братья, прошу полного вашего сосредоточения.

Тихо заговорил предводитель, напряжённо.

– Настало время распечатать дар великого нашего предшественника, основателя братства. Будьте готовы принять его в полном объёме. Прошу теперь каждого сказать: готов ли он принять дар, что бы ни означал он для жизни и личной судьбы.

Тихо, не сходя со своих мест и в свободной последовательности военные и штатские произносили:

– Готов.

– Совершенно.

– Я готов.

Иссякли голоса.

– Остались ли среди нас один или более, кто не принял решения?

Тишина. Мягкое лучистое сияние.

Сами, команды не дожидаясь, члены братства запели на латинском наречии – негромко, стройно, как в церкви.

Совсем внезапно размахнувшись саблей, глава братства снёс пирамидальному флакону верхушку и вылил золотистый густой эликсир в малахитовую чашу. Так капля росы, преисполненная солнцем, скатывается в сердцевину зелёного листа, дрожит и мерцает там, пока не изойдёт лёгким паром.

Тонкий золотистый дымок за клубился в чаше и стал подниматься.

Латинские строфы сменились гулким, протяжным славянским напевом – не то из церковного языка сотканным, не то прямо из древности вызванным, вычерпанным прямо из Слова об отчаянном Игоре походе.

Дымок взвился высоко, потянулся к незримому потолку-шатру. Рассеивалась тьма, отпускала от себя балки и своды.

Участники ритуала умолкли и в радостном предвкушении чуда наблюдали, как последние капли эликсира исходят золотистым паром.

Их предводитель нашёл обеспокоенным взглядом глаза старейшего члена братства и смертельно побледнел. Он увидел, что старый товарищ охвачен тем же сомнением, какое родилось в его собственном уме. И, едва увидел, сомнение обратилось в твёрдую ясность.

Чудотворные испарения эликсира искали выхода, но не находили его. Теперь не остановить начатого и не успеть поправить ошибки. Всё, что известно о свойствах эликсира: после вскрытия сосуда он должен незамедлительно начать своё действие. Ритуал испорчен. Труд великих предшественников погибает напрасно.

Если бы Брюс, некогда замесивший основу эликсира и произнесший над сосудом первые слова священных текстов, оставил пояснения! Если бы добрейший и светлейший из просвещённых людей прошлого столетия – Новиков – успел подобрать преемника, чтобы поведать тому метод применения эликсира и настрого наказать передать этот метод вместе с сосудом будущему хранителю! Но не был метод ни записан, ни изустно передан. Мастера тайно совещались, чтобы постичь его. Выходит, не постигли...

Дар Новикова. Последнее средство защиты. Единственная надежда на спасение Первопрестольной – если армия не спасёт.

Что же будет теперь?

Облако золотистого пара, напрасно поклубившись в вышине и не найдя дальнейшего пути ввысь, в чистое поднебесье, стало медленно снижаться. Не в силах вполне совладать с чувствами, мастер ложи прижал ладонь ко рту, искажившемуся гримасой отчаяния. Ему хотелось бы по-младенчески зажмуриться, чтобы не наблюдать, как бессмысленно и стремительно гибнет неповторимое создание нескольких поколений его прямых предшественников – плод усилий светлейших умов и благороднейших душ целой эпохи. Однако, превозмогши себя, он смотрел широко открытыми глазами. Винить в роковой ошибке, кроме самого себя, было некого. Стало быть, и наказание положено нести ему самому.

Пение Гимна кончилось, и члены ложи не завели нового. Наблюдали, не дыша, как опускается на них таинственная завеса. Опускаясь, она окутывала людей, влажно впитывалась в одежду, в волосы, проникала сквозь поры кожи. Люди благоговейно принимали дар.

Толика таинственных испарений снизошла и на Мастера ложи. Мысли потекли плавнее, тело наполнилось упругой, непобедимой силой. Но успокоить растревоженные чувства дар был не властен. Мастер видел, как много в облаке ещё не растроченной силы. Каждый из присутствовавших, возможно, обрёл личную неуязвимость. Но не для того они собрались под суровыми сводами старинной башни накануне битвы, в которой решится судьба Отечества. Никто из братьев не желал спасения себе лично, но желал его Москве и молился о победе русского оружия.

– Братья, прошу помнить о вашем отеческом долге перед солдатами вашими и о нашем сыновнем долге перед Первопрестольной столицей.

Предводитель ещё несколькими мгновениями ранее не знал, что скажет это. Но он сказал. Произнёс очень слабым голосом, чтобы не разрушить чары. В полной тишине каждое слово прозвучало ясно. Если бы он пустился в пространные объяснения, то дело оказалось бы окончательно погублено. Мастер понадеялся: братья без лишних слов поймут, что требуется делать, – и не ошибся.

Силу эликсира удалось вобрать почти что без остатка. Однако долго братьям не удержать её в себе. В ложе собрались люди с практическим складом ума; для подобной работы они никогда прежде не упражнялись.

Особое свечение, свойственное эликсиру, почти исчезло. Свечи догорали в настенных канделябрах.

– Господа, поспешим туда, где необходимо наше присутствие! – призвал мастер тоном, не допускавшим обсуждений. – Бог в помощь!

Они начали своё дело утром и вышли в разгар дня. Солнечный тёплый денёк. Приближения осени не ощущалось в нём. Лишь берёзы в тишине старинных закоулков трясли золотистыми прядями, как буклями трясут напрасно молодящиеся старушки, вспоминая весёлую екатерининскую юность.

Впервые братьями была допущена та небрежность, которая извинительна только при событиях чрезвычайных: все вместе, группой человек в тридцать – сорок они покинули башню. Не надевая уже плащей, в мундирах и при оружии, они производили впечатление командиров, съезжавшихся для срочного совета, а теперь распущенных для исполнения решённого. Между тем кони с вестовыми для сохранения секретности были оставлены подальше – у кого на площади, а у кого – в сплетении переулков. Военные, коротко простившись, поспешили каждый в свою сторону. Они скоро встретятся. Нет нужды ни времени назначать, ни места. Всем путь – на Смоленскую дорогу.

В дороге придётся соблюдать правила. Не болтать с попутчиками, песен не петь – нужды нет, весёлых ли, печальных, боевых ли. Воздержаться от выпивки, а лучше – и от вкушения пищи, разве за исключением самой простой – хлеба да воды. Придётся позволить непосвящённым гадать, отчего бравый полковник, боевой генерал, удалой поручик охвачены думами: погружённость в стратегические расчёты тому виной, или тревожные предчувствия, или – неужто?! – робость закралась в сердце? Всяческие подозрения посторонних ничтожны перед задачей, легшей нынешним утром на плечи членов братства. Они должны довести самый эфемерный на свете груз и возможно меньше расплескать в дороге.

Военные спешили. Шаги их быстро отзвенели вдали, слились с обычными звуками города: цоканьем копыт, скрипом телег и возков, скрипом воротка колодца, криком петуха, плеском вкуснейшей мытищинской воды в бочке водовоза, звонкими, задорными выкриками лотошников, тихим щебетом синиц и барышень в бабушкином саду.

Москва насторожилась, зная о подступившей опасности. Москва ждала решения участи Отечества и собственной судьбы. Но, готовая в любой час всполошиться, Москва ещё не знала о грядущей беде, тем менее – о грядущем огненном обновлении. Нынче город ещё оставался внешне спокоен.

Штатским назначено пребывать в Москве. Им некуда было торопиться. Прежде, чем расстаться, люди растерянно потоптались по лугу под розовыми стенами башни. Траву за лето частью остригли козы и коровы, частью высушило солнце, однако обильные росы – верный спутник грядущей осени – сделали своё дело, и луг зазеленел молодыми ростками.

– Убеждён, нам следует вернуться в центр города, и там... Там свершится то, что должно... – осторожно произнёс один из братьев.

Говоривший не испытывал уверенности в своих словах и не сумел бы изъяснить, чему же «должно» свершится. Однако другие его правоту смутно чувствовали и с ним согласились. И ещё чувствовали, не понимая вовсе, что им не следует держаться кучно, что надо разойтись и каждому ощупью, наитием подыскать своё, верное место. А разум советовал идти к Кремлю.

Разум – худой советчик в делах, для ума запредельных.

Братья ещё не знали тогда, не могли и помыслить, что город имеет свою нервную сеть, что действие, произведённое в узлах этой сети, в сотни, тысячи раз сильнее резонирует.

Выйдя в суету улиц, они уже утратили ментальную связь с таинственной субстанцией, что вошла в каждого из них во время ритуала. Их неподготовленные тела стремились вытолкнуть из себя чужеродное. Их души не могли вместить того, что вовсе не людям предназначалось.

Каждый побрёл своим путём: кривыми переулками и мощёными площадями, меж покосившихся сараев и барских усадеб, меж величественных каменных палат и гнилых заборов. Золотые орлы строго поглядывали на них с кремлёвских башен; подмигивала мириадами серебряных искр река.

Золотистый пар незаметно поднимался над фигурами людей, летел в подёрнутую дымкой небесную голубизну. Он растекался над городом, и город впитывал живительную субстанцию. Но её мало осталось, она была распылена, она была слишком ослаблена неверно проведённым ритуалом.

Следовало направить субстанцию сразу вверх, как бы подтолкнуть в небеса. Но, оказавшись под островерхой крышей башни, она принуждена была опуститься обратно и распределиться между участниками ритуала. Только так она могла быть вынесена на свободу. Никто не стремился сознательно присвоить дар, заключённый в испарениях таинственного эликсира, однако невольно каждый впитал в себя столько, сколько тело и душа его могли воспринять. Пресытившись, они исторгли остатки, и вот эти-то остатки воспарили над Первопрестольной, но, увы, не так, как надо бы для достижения полного эффекта. Кроме того, большая часть субстанции досталась военным, и те повезли её с собой на поле предстоящей брани, не зная толком, для чего делают это, но надеясь, что её незримое присутствие принесёт удачу в бою.

Как ни старались военные донести субстанцию до места назначения не расплескав, им это не удалось: всю дорогу золотистые пары эликсира Новикова поднимались над ними ввысь, пропадали без всякой пользы...

Генеральное сражение не было проиграно. Однако сражение не было и выиграно. Москва была сдана неприятелю, поругана им и лишь огнём очистилась от скверны.

Братьям не занимать было храбрости; они умели смотреть правде в глаза. Из допущенной ошибки были сделаны верные выводы. История самой тайной масонской ложи Москвы только начиналась.

Часть первая

Архивное дело

...Истина едина, и всякий, кто сумел открыть хоть частицу её, был, есть и будет наш брат. В этом смысле розенкрейцеры всегда существовали, существуют и будут существовать, пока не исчезнет человечество.

Вс. Соловьёв. Великий розенкрейцер

Глава 1

Погружение в историю

– Что ты здесь делаешь?

Станный вопрос в устах незнакомца! Молодой господин, одетый скромно, но явно не дёшево, смотрел сверху вниз: долговязый. Не понятно, что ему нужно.

Николай молчал, ещё не найдясь с ответом, и господин добавил:

– Ты занят чем-то или ищешь работу?

Николай быстро огляделся по сторонам и ответил вполголоса:

– Ищу, сударь.

– Ты чего-то боишься?

Николай вздохнул. Палатки в двух шагах, покупателей по дневному времени не много. Торговцы запросто услышат и приглушённый разговор. Если захотят, передадут тем разбойникам у входа. Придётся выскочить из рядов в сторону Сенной, к угольным и дровяным развалам, и быстро затеряться в арбатских закоулках. Больше на Смоленский рынок не ходить. А жаль.

– Мне не полагается искать здесь подённого найма, – сказал он спокойно и уже не пытаясь приглушить голос.

– Почему? – удивился собеседник.

– Тут постоянные люди для этого, посторонних не жалуют. Тем более не в очередь.

– Вот как. – Господин задумчиво обвёл взглядом торговый ряд, редких покупателей. – А где они?

Ну всё, дооткровенничался. Сейчас уйдёт этот наниматель к тем архаровцам. Но врать Николаю претило.

– Пятачок у входа знаете? Ну, где торгуют с ящиков. Посуда там, сапоги, тряпки. Знаете? Там подённости толкуются.

Он по-другому представлял себе потенциального нанимателя. Более осведомлённым, что ли. Не ожидал, что придётся разьяснять простые истины. Думал: подойдёт человек, который понимает, что разбойники у входа имеют определённую таксу на все услуги, довольно высокую, и держат её, никому не позволяют сбавлять. Кто хочет нанять работника подешевле, тот выхватит его, Николая, намётанным взглядом, подойдёт незаметно, договорится тихо и внятно. В расчёте на это он слонялся сегодня с утра по Смоленскому рынку. А подошёл наивный молодой господин, не имеющий представления о местных порядках. Не выйдет проку.

– То-то я не видал тебя тут прежде. Раньше где работал?

– Грузчиком. Ещё разносчиком.

Не добавить ли ещё раз «сударь»? Да ну! Всё равно ничего с таким не сладится.

Господин в элегантном шерстяном пальто был очень молод. Выглядел бы вовсе юным, если бы не большие залысины на лбу. Случается ж некоторым так рано лысеть! Говорят, лысина

со лба – признак большого ума. Если же с затылка – то признак... неприлично и сказать, чего. Выражение лица озадачивало невозможным, казалось бы, сочетанием рассеянности и сосредоточенности.

– Что ж бросил? Надоело ноги забивать?

Начав разговор не без затаённой робости, теперь молодой человек задавал свои бесполезные вопросы увереннее. Отсутствие в ответах собеседника подобострастия, его, кажется, даже вдохновило.

– Не надоело. Я люблю ходить по Москве. Но не всю же жизнь прожить разносчиком!

– Какой работы ты ищешь?

Николай пожал плечами. Что ж, теперь ему всю свою московскую жизнь, что ли, рассказать, господину этому? Как для начала нашёл работу, как светило более подходящее место, как потом болел долго и тяжело, лишь недавно оправился и достаточно окреп. До отъезда в деревню остаётся всего месяц, и хотелось бы успеть подзаработать, чтоб явиться домой не с пустыми руками.

– Ну ладно. Так к тем, что у входа, стоит ли обращаться? Надёжные они работники?

Беседа начала тяготить, поскольку было совершенно не понятно, решится ли молодой господин перейти к сути дела. Николай кожей чувствовал, как окружающие торговцы прислушиваются к праздному разговору.

– Я не знаю, сударь. Наверное, не хуже других, если ни один наниматель ещё не пожаловался на них в полицию.

Добавить, что берут больно дорого? Знать бы, чего этому господину надо!

– Отчего же ты не соврал мне? – поинтересовался собеседник доброжелательно. – Не уверил, что там, у входа, нанимаются одни мошенники?

Так и подмывало ответить: «Оттого, что ты, господин хороший, ни слова про дело не сказал, а всё языком мелешь».

– Просто. Не люблю врать.

– Не любишь, но, стало быть, можешь? – Господин глянул хитро.

– Могу, – сухо информировал Николай.

– А руки у тебя крепкие?

Николай встрепенулся. Вот так поворот! Выходит, ему нужен честный человек с сильными руками – вот что!

Господин только что обратил внимание на руки Николая и глядел на них с некоторым сомнением. Узкие, как у конторщика, ладони не могли не смутить его. Парень перевернул ладонь – показать мозолистую, загрубелую кожу. Поспешил ответить:

– Могу и дров нарубить, могу и тяжёлое таскать.

Весна стояла такая яркая, звонкая. Не хотелось брать в расчёт, что в последнее время таскание тяжестей заканчивалось для него отдышкой и обмороками. Пройдёт! Лето прожарит солнцем и окончательно прогонит из крепкого, молодого тела зимнюю цепкую хворь.

– Тяжесть – это я, – неожиданно сообщил господин и ещё неожиданнее улыбнулся – робко и озорно в одно и то же время. – Меня надо крепко держать на верёвке, пока я спущусь в подвал. А потом вытащить. Сможешь?

– Смогу!

Обрадованный, Николай широко улыбнулся. На короткие усилия ему дыхания точно хватит.

– Я могу слазить в подвал, – предложил он. – Зачем вам самому?

– Нет, мне нужно непременно самому. Но смотри, заплачу, только когда вытащишь меня обратно. Вперёд ничего не дам!

В собеседнике и прежде было мало солидности, а теперь и последняя улетучилась. Он по-мальчишески звонко рассмеялся, явно вторя настроению своего будущего пособника.

– Как тебя звать?.. А я – Алексей Кондратьевич.

Впоследствии – много времени спустя – Николай спрашивал, отчего Алексей подошёл со своим делом именно к нему. Мало ли в Москве рабочего люда? Мало ли найдётся настоящих силачей, способных к тому же держать язык за зубами? Тот не дал внятного ответа, а Николай решил для себя, что Алексею Кондратьевичу непременно нужен был помощник моложе его самого, чтобы командовать и чувствовать себя при этом уверенно. Николай подошёл идеально: коренастый, плечистый, руки натружены тяжёлой работой, а при всём том – восемнадцать лет против целых двадцати трёх Алексея Кондратьевича.

Николай пришёл по указанному адресу заранее и был немало удивлён увиденным.

Уже вечерело, в переулке стемнело, зажёгся единственный фонарь на углу. Но переулок кривой. Ни фонаря, ни городского на посту под ним не видно, а видно только ореол газового света. И в окнах – свет за разноцветными шторами – где яркий, электрический, где керосиновая лампа, а то и свечи мягко теплятся. Кое-где пляшет живое пламя – хозяева сумерничают у камина.

Только особняк, указанный нанимателем, оказался нежилым – стоял печальной, тёмной тенью среди старого сада.

Николай-то был уверен, что Алексей Кондратьевич пригласил его помочь по хозяйству в собственном доме, ну или там родительском. А назначил встречу на улице, поскольку не хотел, чтобы малознакомый парень ожидал его возвращения в прихожей, без пригляда. Разумно. Но вот идти на ночь глядя в чужой заброшенный особняк, да ещё лезть там в подвал... Слишком уж пахнет соучастием в сомнительном предприятии, какого полиция не одобрила бы. Николай планировал жить честно и совершенно не собирался идти против закона. Если бы как следует обдумал ситуацию, то развернулся бы и ушёл от греха подальше. Но не успел: сзади его окликнул утренний знакомец.

– Я явился прежде времени, а ты уже здесь! Похвально! – весело приветствовал Николая Алексей Кондратьевич. Давеча, на рынке, наниматель был без головного убора, но тогда светило солнце. Однако и теперь, несмотря на мартовский вечерний холодок, он пришёл с непокрытой головой.

Алексей Кондратьевич кивнул на заброшенный дом:

– Идём! Не заробеешь?

Николай замешкался с ответом. Точнее, он прикидывал, как бы похитрее задать вопрос, чтобы выведать подлинную цель молодого господина, который разговаривает с подкупающей мягкой искренностью.

– У меня с собой превосходный электрический фонарик – американский! – похвалился Алексей Кондратьевич, достав откуда-то узкий металлический патрубок с выпуклым стеклом на конце и на мгновение включив ослепительный луч. – Только нам надо светить осторожнее: мы ж без спросу лезем в чужой дом! «Аки тати в нощи»!

– Что же без спросу? – нашёлся Николай. – Вы бы прежде спросились у хозяев, Алексей Кондратьевич! Разве спешка? Я и в другой раз приду помочь вам, когда получите разрешение.

Складно вышло! Что-то молодой господин ответит? Авось, дело разъяснится.

– Спешка, Николай, – ответил Алексей Кондратьевич серьёзным тоном, и даже с оттенком печали.

Они уже вошли сквозь незапертую, как выяснилось, кованую калитку и остановились теперь на влажной земляной дорожке среди раскидистых деревьев запущенного сада. Снег в этом году сошёл необычно рано, но в саду под деревьями ещё лежали грязно-белые сплюснутые солнцем сугробы.

Говорили молодые люди почти шёпотом, чтобы не быть услышанными случайным уличным прохожим.

– Этому старичку жить осталось совсем недолго: приговорён к сносу. Скоро тут построят доходный дом, многоэтажную громадину. Хозяйева давно съехали, спроситься не у кого. Домик ветшает без присмотра...

Николай услышал острое, неподдельное огорчение в голосе москвича и постарался того утешить:

– Раз обещал, то не беда снести и построить новый. Чего убиваться?

Алексей Кондратьевич вздохнул.

– Давай присядем на крыльцо.

Они уселись рядом на подгнившую деревянную ступеньку бокового крыльца, расположенного в торце дома.

Тут же Алексей Кондратьевич пристроил небольшой саквояж, который принёс с собой.

– Этому особняку девяносто лет. Послепожарный ампир, построенный по образцовому проекту. Москву отстраивали после 1812 года из хороших, крепких материалов. Их проверяла специальная комиссия...

Николай вникал, затаив дыхание. «Ампир» пришлось отложить на потом, чтобы уточнить в словаре, а остальное Алексей Кондратьевич излагал вполне доступно.

– Ему бы ещё стоять хоть двести лет, если бы не запустение. Всё – от небрежения хозяев... Хозяин проигрался, говорят, в Европе... Сейчас зайдём внутрь – уверен, что увидим красоты в стиле прабабушек – лепнину, росписи...

Какая ценность в облупившихся, ветхих узорах? Новый хозяин, поди, не поскупится, налепит на свой доходный домино новых узоров, затейливее прежних.

– Сад тоже снесут, – будто почувствовав, что не убедил собеседника, добавил Алексей Кондратьевич. – Тут вековые яблони – ровесницы дома, старые вишни.

– Яблонь жалко! – искренно поддержал Николай.

Яблоня была в деревне редкостью и большой ценностью. Во-первых, сортовые саженцы дороги. Во-вторых, занять землю деревьями может позволить себе только тот, кому огород не нужен или надел велик.

– Они прошлой весной цвели, точно кипели. Будто чувствовали... Может, в нынешнем мае ещё успеют. Приходи посмотреть! А по осени ветви ломаются от плодов. Вот люди и сломали запор на калитке: собирают. Боюсь, что и в дом лазили... Мне всегда думается: грех лишать жизни старый дом, старое дерево. Всё равно что убить старика. Тот и отжил свой век, и одряхлел, на взгляд, а душа молодая, звонкая. Встречал ты таких стариков?

Николаю понравилось, как верно подмечено.

– Встречал.

Удивительные вышли посиделки с незнакомым господином на старом деревянном крыльце в заброшенном саду посреди Москвы. Алексей Кондратьевич говорил с Николаем как со старым, испытанным приятелем; открыл душу без навязчивости и надрыва. Будто не желал замечать стоявшие между ними сословия, возраст, образование. Неужели вовсе не с кем больше ему делиться своими мыслями?

– Ну, пойдём, займёмся делом! – вдруг прервал себя Алексей Кондратьевич. – Не то не успеем по домам до полуночи. Отец будет недоволен.

Николай снова подобрался: ведь о характере дела он до сей поры так и не получил внятного представления.

Крепкая длинная верёвка, которую лично захватил Алексей Кондратьевич, чтобы спуститься в подвал, не понадобилась. Помещения, интересовавшие его, находились не совсем под землёй, а в полуподвальном этаже, окна которого выходили на заброшенный тёмный задний двор. На этот скрытый от глаз прохожего цокольный этаж вела внутри дома узкая лестница, состояние которой оказалось вполне приличным.

Николай помедлил у лестницы, прежде чем спуститься: хотелось бы всё-таки знать цель.

– Алексей Кондратьевич, вряд ли лепнину мы там найдём! – заметил с подвохом.

Москвич замер, помолчал. В темноте его лицо было не разглядеть: свет фонаря выхватывал лишь лестничный проём. Затем наниматель рассмеялся:

– Остёр ты на язык! Маешься, ходишь вокруг да около, а нет бы спросил напрямую, за каким чёртом я тащусь ночью в чужой подвал! Боишься?

В данный момент Николай находился в самом невыгодном положении, чтобы гордо объявить: «Я – человек честный!» Ежели тут творится беззаконие, то пристукнет его милый собеседник – и дело с концом. Поэтому Николай промолчал.

– Не бойся! Мы не сделаем ничего дурного. Мне нужно осмотреть и обмерить помещения, чтобы понять замысел архитектора. Я строитель по образованию и нынче взялся изучить архитектуру особняков московского ма... московского ампира.

Для доказательства своих намерений Алексей Кондратьевич открыл саквояж и осветил в него фонарём. Там, помимо верёвки, обнаружились рулетка, пара каких-то измерительных приборов да тетрадь с карандашом.

Николаю сделалось страшно неловко. Но не оттого, что в мыслях очернил подозрениями порядочного человека: человека он же не знал. А от того, что Алексей-то Кондратьевич доверился ему, незнакомому парню из низов, безоговорочно. Ведь и Николай имел все возможности пристукнуть его – забрать деньги, снять дорогую одежду, часы, забрать инструменты. Иной за один только американский электрический фонарь укокошит.

– Давайте я первый спущусь – проверю, целы ли ступеньки, – смущённо пробормотал Николай и, не дожидаясь ответа, поспешил вниз.

Вся дальнейшая работа была нудной и однообразной: растянуть рулетку, придержать её конец, подержать фонарь, пока Алексей Кондратьевич чертит в тетради и заносит туда цифры. Или просто стоять без дела с тетрадью в руке, пока Алексей Кондратьевич пристально рассматривает с фонарём каждую пядь стены, или мощённый камнем пол, или задумчиво глядит в потолок. Хорошо ещё, что обмеряли не все помещения, а лишь три-четыре, которые Алексей Кондратьевич выбирал, сверяясь со схемой, что находилась при нём, аккуратно вычерченная на белом листе.

Мысленно он от времени до времени принимался производить вычисления: его интересовала толщина стен. Николаю привелось разок поправить ошибку Алексея Кондратьевича в умножении с долями. Тот глянул на помощника с удивлённым уважением:

– Где ты выучился так ловко считать?

– В одноклассном народном училище по ведомству Министерства народного просвещения, – отрапортовал Николай.

– А, в земской школе. Три класса окончил?

– Четыре. Как раз по-новому устроили, когда я учился уже... Я выдержал экзамен успешно и получил свидетельство! – похвалился Николай.

В душе при этом шевельнулась тревога: пять лет прошло с той поры, потрачено напрасно. Сам читал кое-что, старался вникнуть, но это – не то. Вспомнит ли он прежнюю науку, сможет ли когда-нибудь учиться так же успешно?

– А дальше учиться не думал?

Ишь, будто мысли прочитал!

– Очень хочу.

Алексей Кондратьевич собрался было расспрашивать дальше, но передумал: время поджимало. Видно, батюшка его крут, если и взрослого держит в строгости.

– Хорошо. Мы позже поговорим ещё об этом.

Николай промолчал. Что тут разговоры разговаривать?

Поступить хоть в какое училище он по возрасту уже опоздал. В институт не возьмут со свидетельством четырёхлетки, и правильно сделают: что ты поймёшь? На учёбу, если не за

казённый счёт, нужны огромные деньги. Надежда – на народный университет, только в прошлом году открытый. Николай было начал ходить, но из-за болезни много пропустил, после с деньгами было туго, а теперь учебный год уже заканчивается...

– Неужели чёрная храмина?! – донеслось от дальней стены бормотание Алексея Кондратьевича, который один отошёл туда и осторожно расковыривал там что-то, подсвечивая себе фонарём.

Николаю стало не по себе. Он, как перебрался в город, почти не соблюдал религиозной обрядности и на церковь, подобно большинству московских рабочих, крестился редко – только если проникновенно звонит или очень уж красивая. Но никакого касательства к сектам или, не дай боже, сатанинским культам, нынче вроде как модным, иметь не желал!

– Иди, посвети мне!

Николай взял у Алексея Кондратьевича фонарик.

– Сюда, на ткань. Не так высоко, сбоку. Давай от меня, как будто я сам держу. Вот так!

К стене был прибит по старинке, обойным гвоздём, маленький клочок тёмной материи.

В других местах, где выхватывал свет фонарика, можно было заметить шляпки гвоздей.

– Эх, мало света! Как считаешь, чёрный он? Чёрный шёлковый штоф, а?

Николай и осмотрел, заставив ткань переливаться, и ощупал.

– Похоже на шёлк. Ткань сдёрнули, а гвозди, глядите, остались. Они как будто не старые.

Николай заразился непонятным исследовательским энтузиазмом.

– Ну-ка, где?

Он осветил.

– Вот, вот, ещё вот... Новые: не успели заржаветь.

– Молодец, что заметил, но ты ошибаешься, – мягко возразил Алексей Кондратьевич. – Делаешь из верных наблюдений неправильный вывод.

Алексей Кондратьевич будто хотел, чтобы помощник сам нашёл причину своей ошибки. И у Николая начала формироваться смутная догадка, он почувствовал, что вот-вот ухватит мысль.

– Ты не учёл, что подвал сухой! – поторопился Алексей Кондратьевич с ответом. – На редкость сухой.

Точно! Ни намёка на плесень, воздух – сухой и чистый, пыли и то не много.

– Цокольный этаж ведь каменный, заметил? Жилые помещения – кирпич. А тут в основе – хорошо пригнанный камень; цементный раствор великолепного качества.

У Николая не было возможности заметить всего этого под слоями штукатурки. Только профессиональный строитель знал, где поскоблить и расковырять, чтобы вскрыть основу.

– Строили с таким старанием и тщанием! – произнёс Алексей Кондратьевич восхищённо и мечтательно. – Хорошо, что ты заметил эти гвоздики, что на них нет ржи. Полезный показатель!

И Алексей Кондратьевич сделал запись в тетради.

– Посвети ещё. Попробую вынуть гвоздик и снять этот кусок ткани. Он пригодится мне. Гляди, крепкий! Штоф сняли не оттого, чтобы пришёл в ветхость.

Аккуратно пакуя в саквояж раздобытый обрывок чёрного штофа, Алексей Кондратьевич распорядился:

– А ну, осмотри хорошенько потолок!

– Что искать? – не понял Николай.

– Поищи обойные гвозди. У тебя зрение острое.

Николай полоснул лучом фонаря по стене вверх. Блеснуло стекло.

– Окно! – воскликнули оба исследователя одновременно. До сего момента казалось, что комната глухая: лишь свет фонарика озарял её, когда, только войдя, его нарочно выключили, то снаружи не проникало даже слабое свечение. Теперь осмотр показал, что окно существует,

но забрано глухими ставнями. Николай подсадил Алексея Кондратьевича, и тот обнаружил, что щеколды подвижны, открываются и рама, и ставни. В стоячую атмосферу полуподземного этажа ворвался холодный и свежий воздух весеннего сада, остро пахло талым снегом и сырой землёй. Но Алексей Кондратьевич, жалея своего помощника, захлопнул окно, запер и скорее встал на собственные ноги.

Николай приступил к изучению потолка. Гвоздики нашлись, и обнаружились новые обрывки чёрной ткани. Николай представил, как выглядело помещение, когда не только стены его, но и потолок покрывала чёрная материя. Стало очень не по себе. Пришло на ум неприятное словосочетание, прежде произнесённое Алексеем Кондратьевичем: «чёрная храмина». Хорошо ещё, что прежние хозяева или съёмщики особняка всё пооборвали!

Алексей Кондратьевич, без света лишённый возможности делать записи и осматривавшийся вместе с помощником, пробормотал:

– Так. А вот и вентиляционная шахта.

В стене под потолком чернела прямоугольная дыра, забранная узорчатой решёткой.

– Значит, для проветривания окно не требовалось, верно?

Алексей Кондратьевич вроде как спросил, но ответа он явно не ждал.

– Следовательно, окно – элемент ритуала, – продолжал он беседу с самим собой. – А иначе – зачем? Иначе – сделать ложное – и всё... Требовалось, чтобы в нужный момент обязательно проник свет. А сторона здесь... Ну конечно! Восточная! Закрывали, должно быть, снаружи. Потом поищем, есть ли ставни.

Тут фонарик, который, по наблюдениям Николая, горел уже не так ярко, как вначале, и вовсе стал подслеповато помаргивать.

– Эх, продавец-то меня обманул: ненадолго хватило батареи. Жаль! Нужно было взять с собой ещё и керосиновую лампу. Да неохота: всё керосином провоняет, – сетовал Алексей Кондратьевич. – Жаль, не полностью осмотрели дом. Впрочем, время всё равно позднее.

Тут фонарик погас, а затем свет в нём затеплился вновь, но едва-едва.

– Выключи! – распорядился Алексей Кондратьевич.

Николай на ощупь передвинул рычажок.

– Куплю побольше батарей в запас, – решил Алексей Кондратьевич.

Перспектива возвращаться в полной темноте не слишком радовала, но Николай хорошо запомнил и каждое из обследованных помещений, и маршрут в целом. Впрочем, вышло проще. Алексей Кондратьевич распорядился снова включить фонарик, объяснив, что батарея за время отдыха накопила ещё немного заряда. Перешли в соседнее помещение, где в окно проникал слабый уличный свет. Так и добрались до выхода, то включая фонарик, то давая ему отдых.

На крыльце Николай вдохнул всей грудью воздух старого сада. Тут после тёмного подвала казалось значительно светлее: рассеянный свет газового фонаря на углу переулка проникал сквозь сплетение голых ветвей, а над крышами краешком показался месяц.

Алексей Кондратьевич возился с замком, навешивая на дверь, чтобы создать впечатление, будто тот заперт.

– Повезло нам, что воришки уже вскрыли замок. Иначе пришлось бы сбивать, – сказал он. – Но интересно, что ценного они сумели раздобыть.

Осмотрительно ступая вдоль стены, Алексей Кондратьевич дошёл до того места, где, по его расчётам, находилось окошко «чёрной храмина». Наклонился, взгляделся, пошарил рукой.

– Есть! Ставни, видно, сгнили, или бродяги сорвали их для костра, но петли на месте. Окно закрывалось ставнями снаружи. А другие?

Он медленно двинулся назад, наклоняясь к каждому проёму в цоколе.

– Нету. Нету. А тут? Ага! Стекло разбито и вставлена доска, – бормотал Алексей Кондратьевич. – Так и есть: ставнями закрывалось только одно окно!

Вернувшись на дорожку, он посветил фонариком на свои ботинки – те были густо уляпаны земляной жижей, в которую исследователь провалился не раз: почва около дома оттаяла на пригреве – и стал энергично притопывать на месте, стараясь хотя бы частично сбить грязь. Затем наниматель обернулся к Николаю:

– Сколько ты хочешь за свою помощь?

Николай пожал плечами и опустил глаза: словно срабатывает этот нехитрый трюк, но только когда нанимаешься не к ушлому подрядчику, а к кому-нибудь по частной надобности, как нынче.

– Не знаю. Вы уж сами решите!

Алексей Кондратьевич, достав несколько бумажек, выбрал два рубля и протянул помощнику. Ого!

– Достаточно? Не обидишься?

– Многовато, – честно сознался Николай.

Не мог он побороть в себе глупой гордости. Молчал с лёгкостью, лишнего не сболтнёт, но если напрямую задавали вопрос, то соврать ему претило.

– Ничего, бери, – распорядился Алексей Кондратьевич. – В другой раз пойдёшь со мной?

– Пойду! – выпалил Николай.

Он уверился, что Алексей Кондратьевич не имеет отношения к вероотступникам, а интересуется следами их занятий из научных соображений. При этом не похоже было, чтобы Алексей Кондратьевич с одинаковым энтузиазмом взялся изучать любой старинный дом – лишь ради нежных чувств к памяти прошлых поколений. Нет, «чёрная храмина» привлекла его внимание, а искал он нечто ещё более потаённое. Разумнее всего было предположить, что Алексей Кондратьевич, вопреки видимой своей подкупающей искренности, не так прост, а подлинной целью его изысканий является клад, который непонятная секта замуровала там же, где проводила свои обряды.

В результате подобных размышлений покинутый хозяевами дом, в подвале которого провёл он долгий мартовский вечер, должен был бы представиться Николаю мрачным и зловещим. Но ни мрачности, ни зла не ощущалось в старом московском особняке. Добротный, крепкий, он будто хранил ещё уют некогда наполнявшей его жизни.

Николай не отдавал себе ясного отчёта, но ему очень хотелось снова войти в старый фруктовый сад, проникнуть в дом, сухой воздух которого создавал ощущение, что дом был совсем недавно как следует протоплен, и заняться вместе с Алексеем Кондратьевичем сложными измерениями и загадочными поисками. Вот только не пристукнул бы его щедрый господин, когда вычислит, наконец, свой клад...

Но об опасности предприятия Николай напомнил себе скорее для порядка. Зловещего в Алексее Кондратьевиче было ещё меньше, чем в обречённом на снос пустом особняке.

Алексей Кондратьевич назначил Николаю явиться на следующий же день к воротам Александровского сада и ждать там: он, мол, будет неподалёку по делам службы и придёт тотчас, как освободится. Действительно, пришёл он сразу после того, как куранты пробили четыре. Николай удивлялся, чем же они станут заниматься несколько часов – до того, как стемнеет и народ разойдётся по домам. Он с любопытством ждал, что скажет наниматель.

– Мне вчера ещё пришла мысль: для чего нам впредь хорониться в ночи? Дом вскрыт давно, и не нами. У нас и инструментов таких нету, чтобы отомкнуть замок без ключа. В темноте мы светим фонариком и рискуем выдать себя одним неосторожным лучом. Сразу у каждого родится мысль: кто это там крадётся, что за тёмное дело творит. Так? Согласен?

– Милое дело – кликнуть городского, – согласился Николай, но счёл нужным уточнить: – Если другого занятия нет. Или сам заметит.

– То-то и оно. А если пришли люди днём и не прятались? Значит, не боятся закона. Так?

– Вроде так. – Николай без особой уверенности дёрнул плечом.

– Ну, идём, я по дороге доскажу, а то не успеем дотемна!

Они зашагали мимо Манежа в сторону Воздвиженки.

– Гляди, – продолжал Алексей Кондратьевич свои разъяснения. – Нам бы только войти незамеченными. Но войти надо эдак с уверенностью. Сегодня будем обследовать мезонин. Перед его окнами густые ветви, наших эволюций... действий наших никто не увидит. Потом заглянем в подвал, но уж ненадолго...

Алексей Кондратьевич будто искал у Николая одобрения своим рассуждениям. Тот решил: уж коли обсуждать, так обсуждать как следует, и поинтересовался:

– А ну как всё-таки городской?

– Ну правильно! – воскликнул Алексей Кондратьевич с непонятым воодушевлением. – Молодец, правильный вопрос задаёшь! Теперь гляди. Есть два способа. Я ведь живу неподалёку. Многих знаю, и меня знают. Так всегда можно сослаться, что собака забежала в сад, а дом был открыт. Мой отец держит сеттера, хоть давно уже не ходит на охоту. Или кот. У нас в доме живёт огромный рыжий котище. Вечно геройствует по весне. Отец строг с ним, а я люблю его и считаю домочадцем не менее, чем собаку. Видишь, как просто!

Николай счёл простой план Алексея Кондратьевича вполне убедительным.

– А второй способ каков?

– Второй пока недоступен. А когда пойдём изучать следующее здание, что в другой части, у меня на руках уже будет отношение от Московского археологического общества – прямо от комиссии «Старая Москва». Я просил уже, и мне обещали сделать. С такой бумагой любой хозяин, любой арендатор впустит с дорогой душой!

Вот это новость! Намечено к обследованию и второе здание, и, пожалуй, не последнее! Губы Николая сами собой расплылись в широкой улыбке. Значит, Алексей Кондратьевич не намерен устранить свидетеля, едва добравшись до клада. Да и сама идея клада теперь под большим сомнением. А вот выгодная и неутомительная работа сама плывёт в руки.

– Алексей Кондратьевич, кот – ладно, но как же вы меня-то объясните городскому? Я тут зачем?

Они уже сворачивали в переулок. До давешнего особняка два шага.

– Мы знакомы. Случайно встретились в переулке. Я попросил тебя помочь поймать упрямое животное.

Николай промолчал. «Знакомы!» Ни фамилии, ни места службы, ни домашнего адреса этого господина. Только имя и отчество. А коли спросят, и не соврёшь, будто помогал по хозяйству – не зная адреса-то!

Видимо, Алексею Кондратьевичу в голову пришла та же самая мысль, поскольку он вдруг сказал:

– Моя фамилия Извольский. Я живу в Сивцевом Вражке. Между тем в переулке было безлюдно, и в ограду старого сада молодые люди вошли не потревоженные.

Брошенный особняк встретил двоих исследователей как добрых знакомых. Без усилий открыли высокую и тяжёлую дверь, без труда нашли лестницу, ведущую на мансарду. Алексей Кондратьевич держался уверенно.

– Вы тут, Алексей Кондратьевич, как в родном доме, – заметил Николай.

– Не совсем, – ответил тот. – Мой родной дом выстроен в те же годы, после московского пожара, но по другому плану. Однако существовало всего несколько образцовых проектов, по которым строились особняки. Я все их изучил. Да они и схожи между собой.

Прежде чем подняться наверх, они прошли по парадным и жилым помещениям дома. Алексей Кондратьевич ничего не искал тут, не измерял. Осматривал интерьеры. Мебели почти не осталось, на стенах чередовались тёмные и светлые пятна от стоявших некогда шкафов и этажерок, диванов и столиков. Стены кое-где были оклеены бумагой и покрашены, а кое-где

сохранился старинный штоф. Предсказанные Алексеем Кондратьевичем лепнина и росписи сохранились на потолке, но имели одинаково желтоватый, тусклый оттенок – выцвели. Тут, как и на фасадах старых домов, были изображены сборища разных людей в длинных, струящихся одеждах, а также вазы с цветами и фруктами.

– Тебе доводилось прежде бывать в старинном особняке? – поинтересовался Алексей Кондратьевич.

– Нет.

Не считая публичной библиотеки. Кроме того, надо учесть, что далеко не все зашторивают окна по вечерам, потому и через окно можно составить определённое представление. Но Николай не стал вдаваться в эти подробности. Теперь господин Извольский, наверное, спросит, как ему тут нравится. Что ответить?

Хотел бы он жить в таком? Ну а кем? Слугой? Никогда не хотелось Николаю быть слугой, даже у самых добрых и зажиточных хозяев. Обычная крестьянская доля и то лучше: свой дом, свой надел, сам решаешь свою жизнь. Хозяином? Смешно. С чего бы? Хозяином такого дома замучаешься. Разоришься на одном зимнем отоплении. А уборка и поддержание порядка чего стоят?!

Однако поделился Николай приятным впечатлением:

– Тихо тут. Спокойно.

– Как будто время остановилось, – сказал Алексей Кондратьевич. – Или не так. Как будто оно мимо идёт, снаружи, да?

Николай не совсем так чувствовал. Ему почудилось: как будто, входя в этот тихий дом, можно оставить снаружи все беды и заботы, и, пока ты находишься внутри, они тебя не коснутся. Алексей Кондратьевич, возможно, то же самое имел в виду, только по-другому выразил. Николай кивнул.

За окнами серело.

– Ладно, идём наверх, – распорядился господин Извольский, – сумерки скоро.

Тем не менее он ещё ненадолго задержался в просторной зале, которая была украшена пышнее других помещений: огромный камин с изразцами, на стенах вылеплены колонны.

Алексей Кондратьевич задумчиво огляделся. Подошёл к колонне из зелёного камня с разводами. Погладил. Быстро шагнул к другой, третьей, погладил и постучал по ним. Воскликнул:

– Поверить не могу! Это настоящий мрамор! Иди сюда, пощупай!

Николай провёл ладонью по холодному гладкому камню.

– А теперь сюда иди!

На вид то же самое, те же разводы, но поверхность была теплее и немного шершавилась под пальцами.

– Тут четыре колонны облицованы настоящим мрамором, остальные искусно покрашены, имитация, – пояснил господин Извольский для своего терпеливого спутника, а затем пробормотал себе под нос: – Теперь ясно, отчего отделка по смете была такой дорогой!.. Ну, идём в мансарду!

Мансарда разделялась на несколько помещений. Кое-что измерили и записали. Особенно привлекла господина Извольского небольшая – всего в три десятка квадратных аршин – комната со слуховым окном. Её и измерили тщательно, и поскоблили стены, даже потолок в поисках следов старых обоев. Посередине потолка нашли под слоем белил остатки узора, нанесённого золотой и серебряной красками. Но полностью открыть его не удалось: сыпался вместе с позднейшими наслоениями.

После мансарды Алексей Кондратьевич решил вернуться в залу с мраморными колоннами. Здесь он пропел нечто нечленораздельно-торжественное и послушал, как отдаётся звук. Подошёл к окнам, чтобы внимательно осмотреть рамы. Пробормотал:

– Нет, звука не задержат. Будет снаружи слышно. Но сад... До запрета не имели нужды скрываться...

Снова Алексей Кондратьевич пел и заставил Николая слушать, звонок или глух выходит звук. Стал простукивать стены и отмечать карандашом, где стук получался звонок. Для ускорения работы выдал Николаю второй карандаш и велел делать то же самое у другой стены. Затем Николай его подсаживал, а он простукивал, куда мог дотянуться.

– Устал? – спросил Алексей Кондратьевич, заметив, что помощник дышит тяжело и прерывисто.

– Ничего, – с натугой ответил Николай, думая только о том, как бы не грохнуться и не уронить нанимателя.

– Давай поменяемся, – внезапно предложил господин Извольский. – Теперь я подсажу тебя.

Он сейчас стоял прямо напротив своего помощника и сверху вниз спокойно смотрел тому в лицо.

– Держи. – Он протянул Николаю карандаш.

От удивления Николай не сразу нашёлся как реагировать.

– Думаешь, не удержу? – спросил Алексей Кондратьевич, и в его собственном голосе прозвучало сомнение. – Ладно. Передохни пока, а я зарисую, что есть.

Николай отошёл к наружной стене и сел под окном прямо на пол – отдышаться: слабость накатила. После долгой зимней хвори каждый раз у него теперь такая ерунда при тяжёлой работе. Хоть не берись. А как не браться? Скорее бы прошло!

– Всё, Николай, больше не надо простукивать. И так ясно! – воскликнул господин Извольский.

Уже хорошо. Но до чего любопытно, что ему ясно-то.

– Поди сюда! Смотри!

Алексей Кондратьевич развернул свою тетрадь так, чтобы Николаю было удобно заглянуть в неё.

– Видишь, полости расположены в определённом порядке. Это резонаторы. Их встраивают в стену специально, для усиления звуков. Вот мы и тихо разговариваем, а звучит гулко, да?

– Как в театре, – согласился Николай.

Он гордился тем, что бывал в театре: стоял на галёрке от начала до конца спектакля, хотя не всё понимал, что происходит на сцене, особенно когда там беспрерывно пели и ни слова было не разобрать. Для себя он пришёл к выводу, что в театре скучно.

– Именно! – с энтузиазмом подхватил Алексей Кондратьевич. – Либо этот зал выстроили так, чтобы он служил домашним театром, чтобы давать концерты, спектакли, либо... Сейчас мы ещё кое-что проверим!

Господин Извольский отправил Николая в сад с указанием: прислушиваться из глубины сада и дать знать, когда услышит и когда сумеет разобрать фразы, доносящиеся из зала сквозь закрытые окна. Алексей Кондратьевич будет произносить что-нибудь всё громче, пока Николай не махнёт ему рукой.

Сумерки сгустились. В вечернем саду остро пахло прошлогодней сопревшей листвой и оттаивающей сырой землёй. Корявые, покрытые лишайником ветви деревьев тоже оттаивали, с них капала влага. Несколько грязноватых капель увязло в волосах: Николай вышел, не надев кепки. Носить картуз ему ужасно не нравилось: каждый первый в картузе. Едва начав зарабатывать в Москве, он купил подержанную, но вполне ещё ладную кепку, которая так полюбилась, что лишь в сильные морозы менял её на свою старую тёплую шапку.

После того как Николай выполнил поставленную задачу, Алексей Кондратьевич распахнул окно и позвал его обратно в дом.

– Не очень слышно было, да?

Они поменялись. Теперь Николай декламировал и пел в зале, а господин Извольский прислушивался в саду.

– Изумительная акустика! – объявил он по завершении исследования. – Звук концентрируется в зале, наружу идёт минимально. Представь, какое мастерство требуется, чтобы организовать систему столь затейливо!

Давешняя убежденность Николая в том, что новый дом на этом месте выстроят краше прежнего, претерпела колебание. Может, и краше прежнего станет новый доходный тучерез, но будет лишён загадочности, таинственного ореола. Однако Николай старался судить о серьезных вещах взвешенно, а не по настроению.

– Нынче, поди, и посложнее умеют, – предположил он вслух.

– Не скажи, – живо возразил Алексей Кондратьевич. – Есть же секреты мастерства. Не сумел или не захотел мастер передать своего секрета – и, глядишь, последующим за ним приходится заново изобретать то, что ранее уже было продумано, наработано. Вместо прогрессивного движения получается топтание на месте или, хуже того, регресс, шаг назад.

– Но в нынешнее время всё делается не как бог на душу положит, а по науке, – озвучил Николай суждение, усвоенное ещё в школе и многожды читанное в журналах и книгах.

Господин Извольский прямо отвечать не стал – счёл, видно, неинтересным вступать в спор с невежественным собеседником по вопросу, для себя очевидному. А сказал следующее:

– Тут штучное строительство. За основу владелец был обязан взять образцовый проект – и взял, но внутри – уникальные решения. Эх! Исследовать бы! Коли уж сносить, так по кирпичику разобрать. Но как устроить это?

Счастье, что учредили Комиссию по изучению старой Москвы! Однако она только-только приступила к работе, пока раскачаются, пока заработает в полную силу... Я выступлю с сообщением, как только представится возможность... А пока одно утешительно: мы делаем то, что под силу нам самим... Стемнело. Тут не надо светить фонарём. Идём вниз: будем искать тайник.

После всех отвлечённых рассуждений прозвучало очень неожиданно про клад. Снова вся картина происходящего перевернулась для Николая вверх тормашками. К чему тогда возились со звуковыми... как их? Резонаторами?

В цокольном этаже рядом с «чёрной храминой» Алексей Кондратьевич стал с фонариком придирчиво изучать простенок.

– Я произвёл вычисления. Вот эта стена имеет ненормальную толщину. В углу она оправдана вентиляционным коробом, но остальное...

Даже выстукивать не потребовалось. Лишь слегка оштукатуренная, чтобы сливалась со стеной, обнаружилась узкая дверца, а за нею – что-то вроде кладовки. Там валялась метла из орешины и пучка перевязанных верёвкой прутьев. Исследовали тщательно, с азартом. Больше ничего.

Николай огорчился неудачей поисков. А господин Извольский остался, как ни странно, очень доволен. Даже приподнятое настроение овладело им.

– Ты утверждал, что веришь в науку, – заметил он своему помощнику. – Правильно делаешь! Расчёты верны! Должны оправдаться и другие. На сегодня мы закончили работу.

Алексей Кондратьевич снова рассчитался двумя билетиками, и Николай не стал возражать, припомнив, как через силу вздымал костистого и высокого господина Извольского в зале. Если так пойдёт дальше, то заработок у господина Извольского будет лучше, чем зарплата чернорабочего. А по утрам ещё разгружать вагоны. Жалко, зыбкие эти занятия, ненадёжные.

– Теперь сравним с другим особняком из подборки.

Отрывок из романа А. Кенича «Ясные звёзды»: Экспедиция

– Земля!

Никита Ильич Болотин без дела вышел на палубу: проветриться, поразмышлять об отвлечённом. В каюте он всё расчётами занимался, но расчёты шли плохо. Не торговый он человек. Деловая хватка есть. За что возьмётся – доведёт до конца с блеском. Но выгоду рассчитать, разобраться с убылью да прибылью – это ему так же сложно, как до Луны добраться, так же мучительно тяжело, как шагать пешком сквозь летнюю тайгу с учёной экспедицией.

Учёная эта экспедиция была единственное его дело, что едва не окончилось полным провалом и бедой. Слава богу, немец оказался крепкий, выдержал тяготы пути. Вот у человека поистине светлая голова! Будто ангелы ему нашёптывают. Погоду знает наперёд на три дня, рельеф местности схватывает на глазок, проверишь – погрешность в метр-другой, не более. А недра! Главное – недра! Словно видит насквозь. Но никакой тут магии, никакой в нём оккультной силы, загадочное природное электричество вовсе ни при чём. Великий учёный знает сродство природных элементов: камней и металлов, и природных газов, и вод. Мало того. Чахлое деревцо на скальном выступе, непримечательный кустарник среди камней-окатышей в русле говорливой реки. Профессор указывает рукой на бесполезную эту, скучную растительность и восклицает: «Запишите! Здесь золото! Непременно надобно искать – найдёте». А там – алмазы, там – редкий, не столь ценный, как золото, но всё же полезный металл платина. Ищут – и находят. Предсказания немца сбываются. Профессор решает задачки эти, как ребёнок, наострившись, решает примеры на сложение, расписывая столбики...

Вот и развлёкся. Полегчало у Никиты Ильича в голове...

Нам своих надо вырастить таких учёных. Ломоносов был самородком. А надобно систему образования устроить так, чтобы она рождала гениев с обязательностью, с какой хорошо возделанное, удобренное поле рождает тучные хлеба...

Никита Ильич вдыхал с наслаждением морской воздух. Хорошо до чего не заботиться о выгодах и расходах! Но вот беда. И систему образования не расчислишь, и ни единого учебного заведения не выстроишь, ежели не научишься сводить расходов с доходами. Никто не понуждал его, он сам, собственной свободной волей решил обучиться искусству коммерции. Ведь ты плывёшь к чужим берегам с торговой компанией, с миссией – укрепить торговые связи с молодым государством – расширить их поелику возможно. А значит – учись считать! Кто воспримет тебя всерьёз как переговорщика, когда не умеешь? И главное, дипломатическая – твоя собственная – миссия провалится вместе с торговой. Или того хуже. Покажешь слабинку – что тебя можно облапошить. Вот чего допустить нельзя! Поэтому сидел Никита Ильич днями напролёт над расчётами, которые сам себе задавал, и заполночь порой заходило.

Купца второй гильдии Павла Митрофановича Обознова, что отвечал за весь товар на корабле, Никита Ильич назначил себе в репетиторы. В редкие минуты, когда тот не страдал от жестокой морской болезни, склонялся над столом, где начальник экспедиции разложил бумаги, исписанные да исчёрканные, слушал объяснения Никиты Ильича в молчании, не перебивая. Не столько почтительно слушал, сколько с цепким вниманием. Дослушав, в несколько фраз всего объяснял, чего Никита Ильич не учёл в своих рассуждениях, отчего все расчёты насмарку – это в худшем случае, или же как их поправить – это в самом лучшем, когда учитель был почти доволен работой ученика. Начальник экспедиции скалился с досады, совсем по-волчьи, но не страшно для Павла Митрофановича. Тот качал головой сочувственно и думал про себя – только раз один, немного выпивши, чего ему, староверу, не положено было вовсе, сказал вслух:

– Не зря так Богом устроено, чтобы были на Земле разные сословия. Господам назначено командовать. Залюбуешься, как иные командуют. Без господ-командиров не прогнали бы про-

клятого Бонапартия, хоть весь народ костями бы лёг. Без Пожарского не прогнали бы ляхов. Без Дмитрия Донского...

Павел Митрофанович историю государства Российского знал и любил. Часто заносило его порассуждать, на уроки прошлого полагаясь. Но тут прервал себя, не дал мысли унести в дали прошлого, вернулся к начатому:

– А торговля, уж простите, не господское дело. Не оттого, будто, как некоторые думают, низкое это дело, вроде как стыдное – о деньгах печься, о выгодах. Торговля – тонкое дело, высокая материя, настоящая симфония, ежели умеючи. А производство фабричное наладить? Заводы поставить? Моцарт нужен! Багратион! Но! От купеческого сословия.

– Полно, Павел Митрофанович, – тихо, с едва заметной лукавой улыбкой возразил капитан, в том застолье участвовавший. – Будто история не знает бездарных полководцев, будто нет господских деток никчёмных, коих ни к какому делу не приспособишь!

– Так-то оно так, – торговец с довольным видом огладил бороду, – а купца, вовсе плохого, не найдёте. Разорились плохие-то, промышленяют ремеслом, крестьянствуют.

– Вот! Крестьян-то ты, Павел Митрофанович, вовремя помянул. Ты ведь сам крестьянский сын. Твой отец выкупился из крепостных. Был крестьянин – стал купец. А говоришь – сословия Богом назначены!

Павел Митрофанович победно улыбнулся, маслянисто сверкнул глазами – совсем его развезло от стаканчика красного.

– Богом и устроено, что выкупился. Кому положено, тот и купец!

Никита Ильич философических бесед долго не слушал. Противником не был, но... Ему дело подавай! Отходил от стола и, присев к окну поближе, а то и на палубе, на свежем воздухе устроившись, изучал атлас по географии и природе Северо-Американского континента, нарочно с собой захваченный, или записки путешественников, там побывавших.

Сейчас Никита Ильич вышел на палубу без книги. Дал отдых голове. Щурился от рассеянного, слепящего света.

Солнечные лучи преломлялись в мареве, всё слепило – и небо, и вода. Вдыхал прохладный, влажный, солёный – такой свежестью вовек не надышишься! – морской ветер, который сегодня был игрив и ласков.

– Вижу землю!

Никита Ильич, едва придержавшись за перила, взбежал на мостик. Стоял молча, наблюдал, как расширялась неясная, неяркая, никаким определённым цветом ещё не окрашенная полоса у окоёма, как команду корабля постепенно охватывало радостное волнение. Сам он испытывал чувства смешанные, как всегда почти с ним случалось в конце долгого пути.

Никита Ильич, как ребёнок, любил само движение, сам процесс удаления от привычных мест, то рваный, то монотонный ритм дороги, с её ухабами, кюветами и накатанными колеями, со штормами, штильными затишьями, с ровными и сильными попутными ветрами. Прибытие на место пробуждало в нём все силы его живого природного любопытства. Но полная остановка движения, успевшего войти за долгую дорогу в плоть и кровь, порождала меланхолию, как пробуждение от чудесного сна. В дороге нет подлинных забот, кроме как о телесном благополучии, собственном и спутников. Ты налегке и свободен. Но по прибытии все обязанности твои наваливаются на тебя с удвоенной силою. Долг твой перед людьми, за которых несёшь ответственность, перед делом, за которое взялся, перед царём и Отечеством вытесняет ребячество из сердца. А сердце ребячливо по натуре и грустит об утраченной свободе.

Прибытие корабля в столичную гавань торжественно и парадно только во время великих праздников да визитов монарших особ. Для команды шлюпа прибытие растянулось на несколько дней. Подходили шлюпки с мелкими чиновниками, то энергичными, то вялыми. Обмен приветствиями, отправка и получение официальных писем и запросов, согласование

условий, нудное, томительное ожидание. Наконец, местный лоцман и проводка по широкой ленивой реке. Гавань с запахами рыбы, смолы, мокрой пеньки, водорослей, с очертаниями незнакомого города. Блестящий от влаги причал. Берег. И ощущение, от коего отвыкли – твёрдой земли под ногами.

Заботы о жилье легли на плечи самих путешественников. Делегация от местного городского головы предложила осмотреть на выбор несколько адресов, прозрачно намекнув, что гостям предстоит самостоятельно нести расходы за постой. Никита Ильич был к такому обороту дела совершенно готов. Страна только что перенесла тяжёлую войну с Англией, ещё тяжелее пришлось от торговой блокады. У Никиты Ильича были заранее отложены средства на оплату проживания, еды и прочих бытовых нужд для команды и младших офицеров корабля. Однако же отправиться осматривать город и выбирать жилье вместе с капитаном и Павлом Митрофановичем ему не удалось.

На борт прибыла ещё одна делегация. Никита Ильич даже толком не разобрался: не то от властей штата Колумбия, не то от общего парламента всех Североамериканских Соединённых Штатов – конгресса. Ещё здесь существовали разные политические партии, как впоследствии открылось, не слишком ладившие между собой. Одни поддерживали сближение с Россией, другие косили в сторону бывшей метрополии. Так или иначе, Российская империя поддерживала вполне дружеские отношения и тесные торговые связи с молодым государством Нового Света. На Высочайшем уровне даже нашли время и средства снарядить экспедицию с дипломатической миссией, несмотря на то, что все помыслы были сосредоточены на Венском конгрессе. Североамериканцам же, так или иначе, лестно, что такая сильная держава, как Россия, расположена к ним.

Во всех хитросплетениях местной политики Никите Ильичу только предстояло разобраться. А куда он взял визитёров на себя, чтобы отпустить капитана и его помощника в город, поскольку день клонился к вечеру и мешкать им не стоило.

В Новом Свете весьма бегло объяснялись по-французски, хотя простовато и с особенным акцентом. Необходимости в переводе не возникало, трудностей взаимопонимания удалось полностью избежать. Полностью – благодаря тому, что и купцы, занятые торговлей с иностранцами, владели французским в необходимой для этого мере.

Коротко и деловито изъяснив всё, что полагается в подобных ситуациях по долгу вежливости, делегаты перешли к приглашениям на приёмы и ознакомительной беседе – о политике, о богатствах стран, в чём преуспели, а в чём отстают, о торговле. Словом, прошупывали гостей. А те их прошупывали. Пили и нахваливали французское вино, с собою русскими привезённое.

Никита Ильич сразу приметил. У него на такие вещи глаз намётанный. У одного из визитёров – отличавшегося особенно гордой посадкой головы, самоуверенного черноволосого штатского средних лет – в галстухе булавка с изображением звезды в треугольнике. Прозрачнее – лишь на лбу подписать. Видно, у них не запрещено, а то и поощряется, как в России было до Екатерины, точнее, до печального дела Новикова. Приметил Никита Ильич булавку, и сердце забилось совсем по-мальчишески. Надо же! Океан пересечь и тут, по другую сторону океана, повстречать своего! Отчего ему прежде не приходило в голову, что не в одной лишь старой умудрённой Европе существуют масонские братства? Бог весть! Людям свойственно полагать отсталыми тех, кто живёт в глуши да на отшибе. Вот и Никита Ильич не уберётся от обиходного суждения. Оттого-то теперь так радостно приветствовало его сердце встречу с братом по духу.

Сам Никита Ильич никаких опознавательных примет на себе не носил. Захотелось сразу сделать знак. Будет ли он понятен члену братства с противной стороны Атлантики? Но Никита Ильич решительно остановил порыв. Не любил он действовать под влиянием сиюминутных чувств. Поспешишь – людей насмешишь. Время будет поразмыслить, поспрошать, выбрать верный момент.

В последующие дни он едва успевал принимать делегатов с приглашениями на торжественные приёмы – от торговых компаний, банков, от промышленных союзов, от властей разных локаций и уровней. А с ними всеми – журналистов. Приглядывался к каждому. Знаки на некоторых находил, но не столь откровенные, как булавка со звездой в треугольнике. Звезда, к слову, выглядела необычно: лучей много, трудно сосчитать, не уставая на неё во все глаза. Вопрос, однако, в другом: случайно ли тот человек прицепил свою булавку к галстуху перед встречей с гостями из России?

Никита Ильич вполне успокоился и мыслил теперь трезво. Братство – не только общность высоких идеалов. Встреча с братьями на чужбине многое проясняет, сведения помогает раздобыть, многие двери открывает. А какой же риск? Как посмотреть. Возможно, для ученика, для подмастерья рискованно открыться перед иностранными масонами, пребывая на чужбине. Мастера станут верховодить – и сложно сопротивляться, даром что принадлежишь к другой ложе, за морем-океаном оставленной, на далёкой родине. Дашь слабину – не выполнишь миссию, царём и Отечеством на тебя возложенную. Но мастеру беспокоиться не о чем. По большому счёту, Никита Ильич и в подмастерьях не дал бы чужакам верховодить.

Никита Ильич довольно скоро прискучил торжественными встречами и не всякое уже приглашение принимал.

Огромная беда, что в прошлом году англичане, занявшие в ходе войны с Американскими Штатами Вашингтон, сожгли Библиотеку Конгресса! Всего-то полтора суток пробыли в городе, но успели нанести порядочного ущерба. В библиотеках Болотин особенно готов был просиживать дни напролёт, и гибель Библиотеки Конгресса огорчила его не намного меньше, нежели утрата в огне войны собрания книг Московского университета. Ему и обязательно требовалось посетить учёное заседание в Джорджтаунском университете, где намечался доклад по новейшему картографированию северной части американского континента. Там заодно можно заглянуть и в библиотеку: говорят, собраны весьма интересные книги по дипломатии и политике.

А всё же миссия посланника обязывала скучать хотя бы в самых представительных из светских собраний...

Он сразу заприметил черноволосого обладателя масонской булавки. Тот вскоре подошёл поздороваться и поприветствовать гостя. Осведомился, каковы впечатления русских о городе и его обитателях...

Этот русский – весьма влиятельный человек, думали североамериканцы. Его значение куда более, чем он старается показать. Нужды нет, что он привёз пустое, вполне бесполезное послание от царя, что полномочия его расплывчаты. Он держится уверенно, что скажет – словно отдал приказ. Даже бородатый, степенный Павел Обознов, уполномоченный вести переговоры по торговле и промышленному сотрудничеству, старик опытный и хитрый, смотрит Никите Болотину в рот, едва тот заговорит. Но и когда тот отмалчивается в тени, старик косится в его сторону, ожидая знака. Капитан почтителен с Болотиным донельзя. Никита Болотин пропадает днями в частных библиотеках и на заседаниях научных обществ. Возможно, он скрывает тем самым подлинный характер своих интересов. А возможно, доискивается каких-то сведений. Хоть так, хоть этак, а следует поскорее найти подход к посланцу царя – наладить контакт прежде, чем это сделают представители других лож и партий. Разузнать бы, кто он таков на самом деле. Удивляться не придётся, если он окажется и членом царской семьи! Так независимо держится, так мало пьёт, так скуп в речах, так мало танцует с дамами и так скромнен в бытовых потребностях. В чём его слабость? Как его раскусить?..

Никита Ильич сделал знак, который должен открыть дверь любой ложи, так как его понимают масоны всего мира. Мистер Моллисон опешил. Не ожидал. Стало быть, не намеренно щеголял перед русскими своей булавкой. Ответ последовал, когда Никита Ильич уже решил

было, что его не стоит ожидать. Знак, немного искажённый в сравнении с тем, чему обучили некогда Никиту Ильича, но узнаваемый. Оставалось выйти в небольшой сад и среди цветущих кустов представиться друг другу по полной форме. Пожали руки особым образом – метод совпал.

Не вдруг разобрались с уровнем: терминология разная. Оказалось, что оба – мастера, но мистер Моллисон представился, сверх того, «производителем работ». Среди известных Болотину степеней масонской иерархии аналогов не нашлось, но североамериканец явно гордился этой должностью.

– Братство, к коему я имею честь принадлежать, единственное в Старом и Новом Свете прямо продолжает традиции вольных каменщиков Средневековья. Мы совсем не для красного словца называемся «Истинные вольные каменщики»!

Забавно Никите Ильичу показалось в устах представителя молодой страны тетеревиное это хвастовство. Однако же он не подал виду, только брови поднял приглашающе: мол, рассказывайте же дальше!

– Должно быть, думаете: «Эка расхвастался провинциал!» – смекнул мистер Моллисон.

– Отчего же? Я полон внимания. Всегда интересно узнавать новое, особенно – в деле, где не ожидаешь открыть для себя особенной новизны.

Впрочем, подумалось вдруг Болотину, ежели новосветские истинные вольные каменщики ведут своё начало напрямую от одного из старинных английских братств, находящихся вне системы великих лож, то это и вправду может сулить неожиданные открытия.

– Не ожидаете новизны?

– Простите мою прямоту. До сих пор мне представлялось, что все масонские ложи мира, как ни назывались бы, что бы ни декларировали, а заняты примерно одним и тем же и соблюдают общие традиции. Хоть и немецкая система, и английская, и другие немало различаются иерархическими степенями, но законы орденские в основе одни.

«Прям, и о политесе нимало не заботится. Масонством своим не тяготится, однако прискучил, – думал американец. – Он – человек конкретного дела. Бездельными ритуалами и болтовнёй об улучшении человеческой природы разочарован. Но как сверкнул глаз, когда лишь слово произнёс: новизна!»

– Мы составляем подлинное исключение. Но я имею право открыть вам лишь малую толику: ложа крайне строго относится к соблюдению тайны.

«Дешёвая рисовка, должно быть, – думал Никита Ильич. – К чему этот североамериканец затеял хвастовство? Пора прервать беседу и вернуться в залу. Вряд ли будет прилично игнорировать возможность побеседовать в непринуждённой обстановке с Государственным секретарём, нарочно явившимся на приём ради русской делегации, и сенатором – хозяином дома, предпочтя обществу их и их семейств какого-то советника Моллисона, хотя и брата».

– Прошу вас, не раскрывайте тайн. никоим образом не хотел бы оказаться причиной вашего преступления.

«Однако же и выдержка у этого господина! Ведь ему страсть как любопытно», – решил про себя Моллисон.

– Я не преступлю наших строгих правил, ежели вам как брату и равному сообщу лишь одно. Мы действительно строим. Наша деятельность по нравственному совершенствованию человеческого рода заключается в подлинном зодчестве. И гармонию, и просвещение мы несём своим методом. В оны дни тамплиеры создали готический храм, тем самым возвысив дух человеческий, дав возможность всякому заскорюзлому сознанию воспарить к горным вершинам. Но мы не возводим храмов...

Моллисон внезапно прервал свою вдохновенную речь.

– Всё. Более ничего не могу произнести и вынужден отпустить вас для общения с более важными персонами. Пока вы не член Ложи истинных каменщиков, наши тайны для вас закрыты.

Никита Ильич от души рассмеялся.

– Да вы не просветитель, а прямо искуситель!

«Умный лис!» – отметил про себя американец.

– Скрывать нечего. Я хотел бы видеть вас истинным вольным каменщиком, – сказал он вслух с обезоруживающей простотой.

«Интересно, за кого он принял меня, что так старается? – подумал Никита Ильич. – Однако теперь я уехать не смогу, не узнав их секретов... Если секреты – не блеф, а существуют на самом деле».

– Наши правила, к большому сожалению, не допускают участия в собраниях мастеров из других лож. Возможен только переход, который требует соблюдения определённых условий. Однако из уважения к вашим глубоким познаниям и высоким душевным качествам вас ложа примет безо всяких дополнительных условий.

Болотин губу прикусил, чтобы откровенно не рассмеяться. «Да кто ты такой, чтобы давать подобные обещания? Ты не Досточтимый мастер ложи, не собрание мастеров, а всего лишь один из братьев, хоть и называешься каким-то там производителем работ!» – думал он.

Никита Ильич уже шагал один по аллее, на которой пышно цвели – среди августа! – приподнявшиеся кусты. Богата природа здешняя – дышит теплом, обильна цветущими растениями, крикливыми птицами, яркими красками. Никита Ильич походя тронул красные бока каких-то плодов и вздохнул невольно. Представил, как румянится скромно рябина, как первые жёлтые пряди в кронах берёз поливает первый морозящий, серенький, уже похожий на осенний, дождь. Словно наяву, увидел мокрые земляные дорожки Царского Села, где мхом поросшие, где долгой тощей травой, где узловатые корни торчат... Отчего тянет прочь от яркого и богатого чужого в бедное и неброское своё отечество? Велика сия загадка человеческой души!

«Однако же как эти люди желают заполучить меня! – продолжал он свои рассуждения. – Определённо, приняли за более важную птицу, нежели я есть. Никакой беды нет в том, чтобы стать истинным вольным каменщиком. У нас-то в братствах всё одно – безделие да болтовня! Брюсово наследство, оно же дар Новикова – единственное подлинное масонское чудо – и то расплыли впустую по собственному невежеству».

Никита Ильич давно был разочарован практическим воплощением того масонства, в коем грезил некогда обрести смысл жизни. Он получал первые посвящения с душевным трепетом, с чаянием, что теперь откроется ему новый, потаённый мир, и новое дело, объединившее братьев, станет делом его жизни. Ведь неладно в мире, неладно люди живут между собою, много тьмы в умах, чёрствости в сердцах. Нет в человеческих сообществах ни равенства, ни свободы. А привнести их должны те, кто уже достаточно возвысил свой разум, но привнести не кровавым французским путём, а средствами просвещения народа и при помощи тайного влияния на рычаги хозяйствования и управления страной.

Это не про политику вовсе. Приближаться к власти масонам заказано, хоть нынешние из кожи лезут, чтобы поучаствовать в государственных делах, никакой устав им не указ. А требуется влияние на организацию жизни, всех форм отношений между отдельными людьми, между сословиями. Не всегда надобно переменить правителя той или иной страны, чтобы переменить в ней жизнь. Это, ежели задуматься, даже нежелательно. Лучше переменить вокруг правителя саму структуру управления. А поставить ли правителя в известность о совершающихся преобразованиях, нет ли – зависит от личных качеств его и личных отношений его с реформаторами.

Даже мысленно Болотин избегал произносить «государь, государя», а предпочитал размышлять об отвлечённом «правителе». К государю императору Никита Ильич относился всё ещё с большим почтением.

Глава 2

Масонский амбир

Николай хмуро смотрел в пол.

Ещё не поздно наняться на строительство трамвайных линий. Зовут на хорошее место. Да после болезни тяжело приходится. Но есть ради чего перетерпеть. Мало, что заработная плата – жильё! Новый, чистый, разгороженный барак – плохо ли?! Главное: верная возможность в скором времени перейти в учётчики. Тогда – прощай, тяжёлый ручной труд с киркой и заступом, прощайте, тачки, гружённые камнями, увесистые рельсы и шпалы. Слюнявь карандашик да черкай цифры в книжечке. На пасхальной неделе побывал бы дома и вернулся. Да, не перекопает матери огород, зато сможет регулярно отправлять деньги. Рабочий день от и до, с осени можно по вечерам учиться. Ещё интересно строить электростанцию; тоже можно бы попробовать наняться.

А тут что за занятие? Зыбкое, непостоянное. Станный господин Извольский сегодня радуется клочку материи, завтра – тому, что нашёл в стене горшки, замурованные для звукового резонанса, и пустой тайник. Ладно бы! Но теперь он готов прыгать от радости, что в очередном особняке – котором уже из обследованных? пятом? нет, шестом – не оказалось ни особого зала, ни тайника. Что это означает? Что он ищет? Зачем? А самое плохое – что впереди – никакой ясности.

Поиски рано или поздно кончатся. Положим, особняков, в которые господина Извольского согласятся впустить для исследований их хозяева, арендаторы или агенты по сдаче внаём, в Москве ещё полно. Но комиссия по изучению старой Москвы, для которой старается Алексей Кондратьевич, преследует определённую цель, о которой Николаю ничего не ведомо. Сделав своё дело, господин хороший думать забудет о помощнике.

Осенью Николаю всё равно придётся искать постоянную работу...

– Тут всё. Идём во флигель. Для очистки совести надо и его на всякий случай осмотреть, – бодро распорядился Алексей Кондратьевич.

– Что мы ищем-то? – осведомился Николай, не двинувшись с места и по-прежнему глядя в пол.

Господин Извольский опешил.

В сущности, Николай понимал, что злится несправедливо, и примирительно добавил:

– Обойные гвозди опять нужны? Чёрный штоф? Сказали бы, что ищем, я б тоже смотрел. Может, вы не заметите, а я найду.

Алексей Кондратьевич почему-то ухмыльнулся, а потом и вовсе рассмеялся. И как это понимать?

Как внезапно развеселился, так же внезапно господин Извольский стал серьёзен.

– Ты прав. Пора рассказать тебе. Я и сам собирался. Не думай, тут нет никакой тайны. Есть секрет, но тебе я, пожалуй, могу его доверить.

Николай, хотя и обрадовался, что скоро его посвятят в смысл изысканий, промолчал. Если Алексей Кондратьевич потребует, он даст слово сохранить услышанное в секрете. Однако к чему навязываться с обещаниями, пока никто их не спрашивает?

– Мы сейчас закончим здесь, – продолжил господин Извольский, – а после пойдём поедим где-нибудь и поговорим.

– Сюда я обычно хожу обедать, когда бываю в Кремле по делам службы. Далековато. До дому ещё дальше, но можно бы успевать, а для чего? Бывал здесь?

– Нет, – скупно констатировал Николай.

Заведение выглядело довольно простым, без претензий, но рабочего люда в нём не наблюдалось: сидели за столами служащие, судя по костюмам. Извольский искренно убеждён, что тут можно недорого перекусить, но то для него – недорого. А Николаю придётся сдержаться: взять чаю с пирогом да глотать слюну. Не то чтобы без копы в кармане пришёл. Просто жаль потратить впустую. Скоро Пасха, а не все ещё купил подарки, какие наметил.

– Тут добротное: ни разу ещё не отравили, – смущённо улыбнулся Алексей Кондратьевич, будто оправдываясь за свой выбор. – Раз ты не знаешь, что и как тут готовят, я сам закажу тебе.

Прежде, чем Николай успел произнести «не нужно», решительный отказ обозначился у него на лице, и Извольский вдруг добавил ещё более смущённым тоном:

– Я угощаю. – Для предотвращения нового отказа он пояснил: – Я же затащил тебя сюда. Теперь Николай не нашёл повода отказываться и промолчал.

Половой подошёл, и Алексей Кондратьевич быстро сделал заказ. Обед обещал быть насыщенным. Прекрасно! Уже не напрасно пришли. А ежели ещё и расскажет господин Извольский что-то, по-настоящему стоящее!..

– Приступим к делу, – объявил Алексей Кондратьевич. – Прежде расскажу тебе, как обещал, что мы ищем и что нашли уже. А после объясню, зачем.

Николай приготовился внимать, не перебивая.

– Собственно, ты и так знаешь, что мы нашли, я ведь не скрывал, – перебил самого себя Алексей Кондратьевич. – Мои поиски сумбурны вроде бы, но в них есть система. Помнишь помпезный особняк в Басманной части? Мы нашли в нём тайную комнату и лестницу. Как будто стена двухметровой толщины, но в ней спрятана потайная лестница.

– Вход на потайную лестницу был укрыт ложной колонной, а лестница вела прямо в ту самую комнату.

– Верно. Причём с обеих сторон особняка симметрично расположены тайные помещения. В Знаменском переулке маленький особнячок, комната, отделанная чёрным штофом, находилась в цокольном этаже.

– Вы ещё называли её «чёрной храминой», – вторично встрял Николай.

Он помнил наизусть дома, где побывал с господином Извольским, и результаты изысканий, и слушать повторение пройденного ему не хотелось. Скорее бы добраться до новой информации!

– О храмине позже, – решительно объявил Алексей Кондратьевич – А ещё мы там обнаружили дивную акустическую залу. И в двух ещё местах – акустические комнаты – так?

– Так.

Николай приготовился терпеть.

– В Гагаринском нашли и чёрную комнату без окон, но вовсе не спрятанную, и тайники, давно раскрытые. Кроме того, аж на трёх домах в Гагаринском – особые знаки прямо на фронтонах. Я показывал тебе.

Николай кивнул.

– И ещё один дом мы посмотрели с тобой – с любезного согласия там живущих. В нём ничего особенного не обнаружилось... Везде, где только было возможно и приличия позволяли, я скрёб стены, фундамент пробовал только что не на зуб.

Алексей Кондратьевич и Николай синхронно ухмыльнулись.

– Сумбур, казалось бы, – продолжил Извольский, – однако он поддаётся классификации.

Принесли наваристой ухи и хлеба. Оба собеседника, внезапно ощутив, как проголодались, набросились на еду. Однако голод лишь ненадолго перебил возвышенную беседу. Ещё не доев и половины, Алексей Кондратьевич вернулся к своим пространственным пояснениям.

– В трёх домах фундамент и цементирующую смесь я нашёл поразительными. Прочность, как у фортификационных сооружений... Знаешь, что это такое?

– Да.

Благодаря чтению, особенно энциклопедии, Николай знал довольно много понятий. Другой вопрос, что не каждое он сумел бы применить в разговоре.

Господин Извольский замялся, подождав с недоверием, не сознается ли его помощник в собственном невежестве. Не дождавшись, продолжил:

– Однако, что самое поразительное, и кирпич, из которого сложены эти дома, необычного качества... Ещё в Гагаринском и у Никитских мы встретили такого же качества кирпич, но там только цоколи кирпичные с отделкой камнем, а дома бревенчатые и тёсом обшиты. А вот те три особняка, о которых я сказал вначале, – они полностью из кирпича. Дорогие были дома, хотя на вид просты. Помнишь мраморные колонны? Это отделка для дворца, а не для простого жилого дома!.. Так вот, про кирпич. Глина хороша, и, главное, обожжён по особой технологии, звенит. Такие кирпичи – особенно прочные, время их почти не разъедает. Перекрытия дубовые. Доски в мансарде очень плотно пригнаны одна к другой...

Алексей Кондратьевич остановился – перевести дыхание и попробовать гречневой каши с говядиной, нарезанной соломкой: только что половой поставил перед обоими обжигающе горячие тарелки. Николаю тоже хотелось зачерпнуть каши с кусочком мяса и подливой, однако он предпочёл, воспользовавшись случаем, отпустить собственное замечание по теме беседы, так как в затронутом предмете разбирался.

– Доски хорошо высушили перед строительством. Высушили и выпрямили. Такие после, как прибиты, уже не крутит. И щелей между ними не будет: иглы не всунешь.

– Точно! – подхватил Алексей Кондратьевич. – Что гладко оструганы – поминать нечего. Кроме того, оштукатурено было качественно во всех помещениях. Ведь штукатурки не меняли от самого строительства – лишь перекрашивали. Штукатурка по-старинке перетёрта со льном. Не удивлюсь, если замешена на молоке, но, чтобы узнать наверняка, нужно делать лабораторный анализ. Словом, в нашей с тобой коллекции есть несколько домов, выстроенных на совесть, так качественно и надёжно, как будто это не дом, а крепостная башня.

Николай, слушая, со своей кашей уже управился и, как ни ждал с нетерпением продолжения начатой господином Извольским лекции, всё же великодушно напомнил:

– Алексей Кондратьевич, вы поешьте, стынет!

Потом принесли чайник, пироги и каждому – по стакану в подстаканнике с завитушками. Тут уже можно было не торопиться.

Господин Извольский хотел было угостить Николая кофе, но тот прежде сам пробовал и вовсе не был впечатлён горьким вкусом и терпким, раздражающим ароматом. То ли дело чай с мятой, как мать иногда заваривала! Алексей Кондратьевич из солидарности решил тоже пить чай. «Лучше, чем у меня дома, кофе всё равно нигде более не готовят. Дядя Петя самолично обучил нашу кухарку, как варить».

– Так вот. Я обещал тебе сказать, какая ж в наших поисках есть система. Те дома, которые построены из особенных материалов, словно крепость, не имеют на себе никаких специальных знаков, однако мы нашли там и тайники, и чёрную храмину, и акустическую комнату. Все три построены в начале двадцатых годов прошлого века. Эти три дома меня особенно интересуют. Есть и ещё дома из того же ряда... Они имеют отличительные черты в сравнении с другими. Другие три особняка мы посетили как раз для сравнения. Я уже вижу, что есть система, потому что я прежде изучил документы. Но выводы делать рано. Надо обследовать гораздо больше на натуре, то есть осмотреть зданий. Мы с тобой собираем материал для дальнейшего сравнительного анализа разных групп объектов... то есть разных зданий. Понимаешь? То есть я хочу сравнивать не каждое здание с каждым, а группами. У группы должно быть что-то общее в сравнении с другой группой.

Николай напряжённо кивнул. Вроде ясно, но не всё. А вот что не ясно?

Господин Извольский сделал передышку, чтобы глотнуть чаю и прожевать кусок пирога.

– А что за группы? – спросил Николай, подумав. – Вы как решаете, что вот эти дома надо соединить, а те – отдельно?

Алексей Кондратьевич одобрительно улыбнулся.

– Тут ответ не прост. Оснований для группировки не мало можно выделить.

Из ответа господина Извольского следовало, что дома, которые они вдвоём облазили, общупали и обмерили, можно поделить на построенные обычно или с особым тщанием, на имеющие тайные помещения и не имеющие таковых, на выстроенные сразу после сожжения Москвы во время Отечественной войны с Наполеоном или же до сожжения, а также двадцатью годами позже французского нашествия. Ещё на некоторых есть особые знаки, а другие снаружи вполне обыкновенны... То есть особняков посетили всего шесть, а делить их на кучки в зависимости от разных особенностей, им свойственных, можно до второго пришествия.

Идея «систематизации» представилась Николаю весьма занятной, однако он по-прежнему не имел понятия о том, для чего это всё делается, и ждал разъяснений. Про тайные знаки, что расположены у всех на виду, про «чёрную храмину», про тайник, переделанный в кладовку.

Алексей же Кондратьевич вдруг стал молчалив и вернулся к еде. Крепкого чая каждый подлил себе уже по три раза. Убедившись, что чайник опустошён, господин Извольский потребовал счёт. Неужели более ничего не расскажет?

– Пойдём прогуляемся. Дальнейшая история – не для любопытных ушей. Я ведь главного тебе ещё не рассказал.

Не стовариваясь, они повернули к Охотному ряду. На тротуаре, как всегда, было не толкнуться: рабочий день закончился, и весенний вечер вступил в свои права. Звенел трамвай, ржали лошади, роскошные моторы нелепого вида тарахтели и издавали резкие гудки. На перекрёстке отчаянно свистел и размахивал руками постовой регулировщик, но это слабо помогало. Извозчики кричали дурными голосами зазевавшимся прохожим и собственным собратям, чтоб правили разув глаза. Пахло дёгтем, конским навозом, соломой. Откуда только берётся в большом городе этот вездесущий запах соломы?! Бог весть. Шли, обгоняя, лавируя, а то и расталкивая друг друга, горластые компании, нежные парочки. И весь густой городской замес залит, как огурцы рассолом, победительной весенней свежестью. На улицу неприметно опускались прозрачные сумерки. Небо было ещё светлым, и фонарей ещё не зажгли, зато призывно заиграли электрическими огнями витрины магазинов, двери ресторанов – где роскошнее, там и ярче.

Так спокойно, так уверенно и уютно, как среди московской горластой толпы, плывущей в облаке ароматов дёгтя, весенней земли, пробуждающихся растений, в тёплом свете электричества и газа, Николай не чувствовал себя даже на лесной опушке за околицей родимой деревни.

– Приводилось ли тебе слышать о масонах?

– Слышать не слышал, а читать читал, – ответил он с достоинством своему высокообразованному собеседнику.

– Как то есть? Что читал? – не скрыл удивления господин Извольский.

Заноситься было особо не с чего, и Николай ответил просто:

– Да в «Энциклопедическом словаре» есть статья «Масоны».

Алексей Кондратьевич на сей раз подавил уничижительное для его собеседника удивление и спросил тоже запросто:

– В котором?

– В любом, пожалуй, – резонно заметил Николай, – но я мальчишкой всё читал Павленкова. Давеча брал в библиотеке «Настольный словарь для справок» Феликса Толля. Там подробнее.

В библиотеку он ходил зимой. Осенью позапрошлого года впервые приехал в Москву, устроился работать грузчиком при ткацкой мануфактуре. Приходит поезд – надо выгрузить тюки с сырьём – какие сразу на телеги, какие на склад у станции. Поселился в бараке в Береж-

ках, недалеко от товарной станции новой – Брянской – железной дороги. В земляном этаже сильно пахло сыростью из-за недавнего наводнения, зато дёшево. Спать можно, а остальная жизнь – на воздухе. Работа иной раз выпадала на день, другой – на ночь. Урывками Николай осваивал местные развлечения. Не так много их оказалось: электротئاتр, гулянка, кабак. Электротئاتр Николай оценил по достоинству, а ради остального не стоило перебираться в Первопрестольную из деревни. Денег он заработал бы и без отхожего промысла – мастеровым: принял бы приглашение брата заняться плотницким делом... В Москве ещё были великолепные народные дома со своими театрами, библиотеками, групповыми занятиями по увлечениям. Но то – при крупных заводах и фабриках, для своих работников хозяева строили.

Большинство рабочих выбирались с окраины в город только по воскресеньям. Но занятие грузчика, иной раз оставлявшее свободным день, и человечность фабриканта, установившего всего лишь девятичасовую занятость, чем, кстати сказать, славилась именно Москва, позволили Николаю чаще бывать в центре города. Туда и обратно – пешком: от Дорогомилова через Бородинский мост не дольше получаса, и никаких транспортных расходов. Он и в театре побывал: за 33 копейки на галёрку – вполне можно, не каждый же день. И сживал, вместо кабака, в приличных чайных, в аккуратных харчевнях. Но больше ходил по городу, смотрел, впитывал впечатления.

Выяснил, что есть прекрасная возможность учиться, поступив в университет Шанявского, только-только открытый. Для начала – на научно-популярную программу, а после – на академическую. Правда, диплома не дадут. Но это – пока; потом, может, чего и переменится. Зато обещали твёрдые знания. Стоимость – четыре с полтиной в месяц. Можно выкроить и с небольшой заработной платы, если хорошенько затянуть пояс. Однако для учёбы требовалось подыскать работу с твёрдым графиком, чтобы иметь свободные вечера. Николай решил отложить это дело до следующего года: лучше же учиться с начала курса, а не с середины.

Пока, чтоб не терять времени, занимался самообразованием. Для этого вполне подходила публичная библиотека. Тут и зимние морозы ударили. Не особенно разгуляешься. Так что сиди себе в тёплом читальном зале да просвещайся. Николай привык черпать самые точные сведения из энциклопедического словаря. Вот и в библиотеке начал с освоения разных справочных изданий.

Весной поспешил в деревню – помогать близким. Весенние работы на земле – всегда и тяжёлые, и объёмные, и срочные. Следующей осенью Николай опять поселился в Дорогомилове и для начала вновь устроился грузчиком, но на сей раз твёрдо уговорился с нанимателем о свободных вечерах.

Можно бы пойти на завод или фабрику. Квалифицированный труд лучше оплачивают. При спальных корпусах для рабочих есть столовая, прачечная, кое-где и больницы. Правда, народу, как и в захудалом бараке, где сам он ночевал, по сто человек в одном помещении. Кроме двухъярусных коек – стулья да табуреты, и то не при каждой кровати. И ещё, рассказывают, надзиратель следит, чтоб не держали ни под кроватью, ни на стуле личных вещей, кроме одежды. Фабричная работа совсем не нравилась Николаю: нудно, однообразно – отупляет. Ему обещали место в бригаде, занятой на строительстве газопровода: Москва семимильными шагами газифицировалась. Вот это увлекательное дело! И перспективное. Решил ждать, когда возьмут в бригаду, а куда стал слушателем народного университета Шанявского.

Всё бы хорошо, если б в ноябре не свалился с воспалением лёгких. Ох и трепало его! Чтобы не киснуть в сыром полуподвале, всё равно тащился пешком в город, а там – где ж ещё согреешься? – шёл в публичную библиотеку и дремал над какой-нибудь книжкой. Посещать занятия в университете перестал, потому что из-за кашля ни одной лекции не мог дослушать хоть до середины, нужно было выходить, чтобы не мешать другим. До Масленой всё шло наперекосяк, еле перебивался. Болезнь то отпускала, то возвращалась. Подрабатывал через силу, лишь бы не помереть с голоду и оплатить жильё.

К весне затянувшаяся болезнь отступила, оставив после себя старческую одышливость и слабость. Пришлось искать физически не тяжёлое дело. А такое не вдруг найдёшь. Вполне мог бы работать конторщиком или учётчиком, однако без него грамотных в Москву приезжало навалом; тёплые места давно порасхватали. В типографию? Мечта, а не работа, особенно если со временем станешь наборщиком. Николая, как хорошо знающего грамоту, наверное, взяли бы. Но в типографии наглотаешься свинцовой пыли, а грудь и так слабая пока. Сперва надо как следует выздороветь, не то заработаешь чахотку, а пожить ещё охота. Интересно жить-то!

Повезло устроиться разносчиком. Сначала ходил по улицам с пирожками на лотке, потом стал таскать на рынок лотки с разнообразной снедью. Утомительно дни напролёт оповещать людей о своём товаре громким криком, зато лёгкие продул как следует, забыл про кашель. И подкормился. Одна беда: получал Николай сущие копейки. Как только почувствовал, что достаточно окреп, решил поискать подённой работы посерьёзнее. Хорошо, что тут-то и явился в жизни Николая господин Извольский со своими загадочными изысканиями!

– Зачем ты читал про масонов? – опешил Алексей Кондратьевич.

– Я читал про всё, – успокоил его Николай. – Про масонов запомнилось: интересно!

Миновав гостиницу «Национальная» и обогнув рынок, они с господином Извольским неторопливо дошли до открытых настежь решетчатых ворот Александровского сада и нога за ногу брели по аллее. Здесь было не так шумно, как на улице. Говорить можно было вполголоса. Звуки города долетали сюда ослабленными, смягчёнными, и прохожие беседовали тише, тише. Только смех звучал звонче. Широкие поля дамских шляп томно покачивались, как лопухи перед грозой. Уже фонари горели ярче, чем вечерняя заря в небе, а слева надёжным оплотом высилась тёмная громада кремлёвской стены.

Позади молодых людей на некотором отдалении шли, тоже прогулочным шагом, подружки – гимназистки старших классов – в коричневых платьях и чёрных фартуках. Им уже и поздно, и пора бы по домам, но вечер такой тёплый для начала апреля, и так пахнет среди прозрачных ещё аллей нарождающейся жизнью, и так весело щебетать между собой! Николаю врезался в память залиvistый, мелодичный, словно журчащий, смех одной из девушек, долго сопровождавший их с Алексеем Кондратьевичем серьёзный мужской разговор.

– Неужели ты и три тома Толля прочёл от корки до корки?!

– Нет, – добродушно улыбнулся Николай, – перелистывал. Видел на развале. Думал купить, поднакопивши. Но книжка старая. Пятьдесят лет. Теперь уж многое по-новому.

Внезапно открывшаяся учёность простого паренька не давала господину Извольскому покоя.

– Скажи ещё только одно, и я сам, наконец, открою тебе то, что обещал. Откуда у тебя в детстве оказался словарь Павленкова? Купил отец?

Николай жёстко усмехнулся. Нелепо соединился в сознании образ покойного отца с пухлой учёной книгой в строгом коленкоре.

– Подарила учительница. На окончание школы.

– Ого!

Николай не стал дожидаться следующего вопроса и добровольно пояснил:

– Она обещала лучшему ученику. Так и сделала.

Оценок в школе не ставили, но в конце учёбы пришлось сдавать экзамен, чтобы получить свидетельство. Приехала комиссия – она-то и отметила ответы Коли Бродова как лучшие в классе.

Кроме словаря да нескольких завалывшихся в углу лубочных картинок с надписями, читать дома было решительно нечего. Правда, Павленкова Николаю хватило надолго. Ещё бывшая учительница давала почитать некоторым из особо любознательных ребят свои книги, журналы – пока не уехала, выйдя замуж. Так Николай и продержался долгих пять лет – до Москвы.

– Хорошо, что ты знаешь про масонов. Мне и объяснять тебе ничего не придётся. Ты, наверное, уже сам понял, да? Мы с тобой подвергли обследованию дома московских масонов. Это масонские знаки – что я показывал тебе на фасадах. Тайники – для реликвий, для специальных книг. Только владельцы домов принадлежали к разным ложам. Вот я и хотел сравнить, чем различаются строения, что в них особенного в сравнении друг с другом.

Но ведь про масонов написано в каждой энциклопедии. Для чего же господин Извольский соблюдал так долго секретность в их совместных изысканиях?

– Ты ведь прочитал в энциклопедии, что масонство в России в разное время то разрешали и даже поощряли, то запрещали. Были десятилетия глубокого подполья. Первым масоном у нас почитают Якова Брюса, сподвижника Петра, считается, что он занимался алхимией и прочими мистическими материями в Сухаревой башне и проводил там масонские обряды. Ну, потом из самых значительных – Новиков, издатель и просветитель. В конце царствования Екатерины масонство запретили, и Новиков угодил в острог. При Павле и Александре I было послабление... Да что там послабление – масоны прямо-таки расцвели! Ну, после декабрьского восстания, при Николае I, понятное дело, попали под запрет, однако ещё не радикальный. Вот в 1845 году вышел закон о запрете любых тайных обществ. Тут у масонов началась полнейшая конспирация. В наше время о них можно снова говорить относительно свободно, и принадлежность к братству перестала считаться за преступление. Однако масоны и в те времена, когда были разрешены и даже поощряемы, соблюдали законы жизни тайного общества. Потом вовсе засекретились. Представляешь, как мало можно отыскать подлинных свидетельств их деятельности, как мало документов, отражающих жизнь братств?

Выношенные, продуманные соображения господин Извольский излагал гладко – заслушаешься.

– А мне посчастливилось найти любопытный документ. Уникальный! – похвалился Алексей Кондратьевич. – И я пишу об этом большую статью для Археологического общества. Можно было бы подготовить только публикацию документа. Тоже, знаешь ли, совсем не просто: сделать к документу научные комментарии. Но мне интереснее представляется проверить некоторые догадки и вынести на обсуждение историкам не бумагу только, а материальные факты. Что я делаю с твоей помощью – сродни археологии. Николай заметил с запозданием, что журчание девичьих голосов отзвучало за спиной. Алексей Кондратьевич повернул к Боровицким воротам, молодые люди неторопливо поднялись по склону и теперь синхронно обернулись, чтобы сверху полюбоваться садом и панорамой окружающих его зданий. Цепочка огней, как праздничная гирлянда, протянулась вдоль аллеи. Гуляющих в саду поубавилось. В свете газовых фонарей едва мерцали фасады, и только величественный дворец, занятый Румянцевской библиотекой и музеем и по-простецки именуемый москвичами «Пашков дом», отчётливо белел на фоне тёмного неба. Алексей Кондратьевич махнул рукой в его сторону:

– Тоже, говорят, не без участия масонов воздвигнуто. Дядя Петя авторитетно утверждает, что... Ах да! Дядя Петя – наш родственник и друг отца...

Николай немного огорчился, что у Алексея Кондратьевича закончился ораторский пыл, в котором тот говорил гладко и стройно, как по писаному.

– У нас дома отец собирает по средам что-то вроде мужского клуба. Приходят его хорошие знакомые, те же из года в год. Иной раз бывает до тридцати человек, а порой – всего человек пять-шесть. Как случится. Дядя Петя завсегда: он чаще других заходит. Мне отец разрешил посещать собрания, когда я стал студентом. Прежде только позволял посидеть со всеми за десертом... Обедов отец не даёт: это было бы разорительно, но десерт наша кухарка готовит – по числу присутствующих. Потом в течение вечера напитки под лёгкую закуску, что называется, вкладчину... Так вот, однажды дядя Петя сказал по поводу одного политического события... не стану называть, какого... что это, мол, наверняка устроили масоны. Присутствовавшие важно покивали головой: мол, весьма вероятно. Меня так заинтриговало! Что за могу-

щественные люди? Потом пытался расспросить дядю Петю подробнее. Тот кое-что порассказал из исторических анекдотов. Знаешь, вроде такого: что Навицкая школа в Брюсовой башне была на самом деле школой начинающих масонов, и в названии имелась в виду «навигация по ложе» – так называется подготовка учеников в масонстве. Мол, морских офицеров из этого учебного заведения вышло с гулькин нос, хотя обучалось триста человек. И другие анекдоты в том же роде. Но дядя Петя редко бывает у нас отдельно от других, не было случая остаться с ним один на один и побеседовать всерьёз. Если б я напросился в гости к дяде Пете ради блажи, отец не одобрил бы.

Николай в который раз отметил про себя, что батюшка у Алексея Кондратьевича крут и по сию пору держит взрослого уже сына в ежовых рукавицах. Алексей Кондратьевич между тем продолжал:

– Пришлось самому искать информацию. Прежде прочего, как и ты, я проштудировал энциклопедии. Книги, на какие в словарях даны ссылки, частично удалось найти. А потом попал на работу в архив. Сам бог велел порыться в фондах, однако там ничего примечательного я не обнаружил...

Алексей Кондратьевич, как истинный романтик, был в глубине души убеждён, что всё самое увлекательное и подлинно загадочное происходило в прошлом, а на его собственный век выпали прагматизм и проза будней. Всё было как-то скучно и на виду. Так же и современные масоны: не особенно скрываются, об их делах и влиянии судачит всяк кому не лень. То ли дело масоны прошлого, чью жизнь и деятельность окутывала сплошная завеса тайны. Ту завесу хоть немного приподнять бы!

За разговором они прошлись между кремлёвских палат, соборов и монастырских стен, строгими громадами проступавших в свете фонарей, успели снова выйти из Кремля и спустились на главную аллею Александровского сада. Алексей Кондратьевич остановился под фонарём, вытащил часы и тревожно всмотрелся в циферблат.

– Пора бы мне поворачивать домой.

Николай впервые с момента знакомства почувствовал что-то вроде превосходства над господином Извольским: всё же хорошо быть самому себе хозяином!

– Давай я потом дорасскажу тебе о документе, который нашёл... Или... Нет, тебе лучше сразу ехать в Дорогомилово...

Николай догадался, что Алексей Кондратьевич хотел предложить ему, и сказал сам:

– Нам в одну сторону. Пойду с вами. По дороге доскажете.

– А как ты потом? Время позднее!

– Не привыкать. Дойду.

– Хорошо, тогда идём.

Пока шагали по опустевшим улицам, Николай выслушал историю открытия, сделанного Алексеем Кондратьевичем.

Неожиданная удача улыбнулась увлечённому новичку.

Начать следует с того, что Алексей Кондратьевич, получив образование инженера, занялся не строительством железных дорог, мостов или же фортификационных сооружений, а архивным делом. Родственник устроил его на службу в лучшее, по мнению самого Извольского, учреждение этого профиля во всей Российской империи – Московский архив Министерства юстиции. Зачем – Николай узнал значительно позже: близкие считали Алексея ещё не вполне готовым к самостоятельной жизни и опасались, что инженерная служба потребует его отъезда в отдалённые края. Хотели, чтобы молодой человек прежде окреп духом.

Случилось так, что как раз в ту пору, когда Извольский начал свою службу, в архив обратился действительный статский советник Листов. Он желал передать на хранение собственное богатое собрание деловых бумаг – всё, что копилось десятилетиями его службы. Так бывает нередко, что крупный чиновник, добросовестно относящийся к исполнению своего

долга, службой и дома занят, и деловых бумаг у него дома скапливается больше, нежели в конторе. «Я стар, – сказал Листов, – прямых наследников не имею.

Дальние родственники сожгут мои бумажки, не заглянув в них, вместе со старым хламом. А городу, может статься, они ещё послужат. Служил по Министерству юстиции, вот и отдаю вам, и делайте с ними что угодно».

Людам, как правило, приятно бывает, что бумаги, мёртвым грузом пролежавшие в их доме сто лет, могут быть оживлены чьим-то интересом и приобщены к какому-либо нужному, современному изысканию.

У статского советника не взяли бы: пускай передаёт его ведомство. Но действительного статского советника Листова, некогда весьма известного в городе, решили уважить и принять у того документы лично. Тем более что современно устроенные и обширные хранилища пока позволяли: свободного места ещё хватало.

Новому сотруднику Извольскому поручили отправиться к Листову – сделать опись документов и подготовить их для передачи. Решили: Алексей Кондратьевич сам принадлежит к известной и весьма уважаемой фамилии, ему будет проще найти общий язык со строгим стариком.

Алексей не испытывал волнения, направляясь в дом действительного статского советника в отставке Игнатия Фёдоровича Листова. Напротив, скорее душевный подъём.

Старинный особняк отличался от милых полудеревенских ампирных усадебок, так свойственных частным владениям Москвы. Он был величественнее и больше. Не дом Ростопчина, конечно, однако близко к тому. Редкий осколок баженовско-казаковского допожарного наследия. Снаружи, как принято, выкрашен в светлые тона. Внутри же царили благородная темень, сухой и чистый воздух, спокойная тишина. Доброжелательный голос пожилого слуги, его размеренные шаги – всё в этом тихом старинном особняке действовало на Алексея Извольского успокоительно.

Алексей осведомился, дома ли Игнатий Фёдорович, и, получив утвердительный ответ, отдал слуге свою карточку и заблаговременно подготовленную короткую записку к хозяину с объяснением цели визита. Очень скоро из тёмных глубин особняка в холл спустился по парадной лестнице высокий сухощавый старик. Алексей был немало удивлён и даже смущён такой любезностью со стороны почтенного хозяина. Выход хозяина к парадной двери навстречу незнакомцу, впрочем, мог содержать в себе и смысл, прямо противоположный любезности: желание проверить лично, стоит ли впустить незнакомца дальше порога. Старикам бывают свойственны припадки недоверчивости. С другой стороны, может, напротив, Игнатий Листов хотел вести себя с людьми запросто, согласно современным веяниям этикета. Так или иначе, после короткой церемонии представления хозяин любезно пригласил визитёра следовать за ним.

Если прихожая была освещена небольшой и неяркой электрической люстрой, то более в доме не было зажжено никакого света. На улице стоял белый зимний день, анфилада парадных комнат полнилась спокойным светом, лившимся из огромных окон. Может, благодаря оттепели, уже несколько дней стоявшей в Москве, в доме не ощущалось холода, свойственного большим по кубатуре помещениям с высокими потолками. Не чувствовалось и аромата печного дыма. Неужели паровое отопление? Алексей огляделся и действительно обнаружил под окнами радиаторы. Дорогое, однако, удовольствие – переоборудовать под современное отопление большой особняк!

Шли молча, тишину оттенял лишь мерный звук шагов.

В небольшом кабинете с высоченным потолком были задёрнуты тяжёлые шторы, но света хватало, чтобы отчётливо видеть очертания предметов и не наткнуться на них. Однако детали интерьера, краски, лица собеседников окутывала тень.

– Тут и познакомимся, Алексей Кондратьевич.

Старик любезно усадил Алексея в кресло, сам устроился напротив. Почти на ощупь ловко разлил по рюмкам тёмный напиток, походя отрекомендовав его «настоящим коньяком – французским, из Шаранта».

– Время раннее, и человек вы молодой, потому много не наливаю, – заметил Игнатий Фёдорович сдержанно, – только для беседы. Курите ли?

Алексей предпочёл избежать дипломатических проблем, ответив отрицательно. Он курил от случая к случаю, более для компании, особого удовольствия в этом не находил. Сейчас хозяин принуждён будет угощать его или надобно достать свои? Уместно ли душить старика дымом? Возможно, тому уж не по возрасту. А в полумраке стряхивать пепел – себя обсыпleshь, обстановку уделаешь. Ну его!

Почему-то Алексею не казалось странным, что в этом доме не любят зажигать свет. Он и сам без любви относился к искусственному освещению, вечерами предпочитал, даже работая с документами, ловить ускользающий свет дня.

– Так вы в своём архиве заняты делом? – задал Листов непонятный Алексею вопрос.

Извольский осторожно ответил:

– Конечно.

– Изучаете документы?

– Не совсем так. Прямая обязанность архивариуса – хранение документов и обеспечение доступности их для разыскания другими. Необходимо оценить состояние документа, к каждому делу составить описание, позаботиться о систематизации и внести в опись. Новые документы ежемесячно поступают пудами.

– Надо же! – промолвил старик и удивлённо качнул головой. – Большое дело. Настоящая служба.

Гость не мог взять в толк, иронизирует ли хозяин или искренно впечатлён новой для себя информацией.

– Вы простите мой первоначальный скепсис! – сказал Листов. – Премного удивлён, что нынешние служащие благородного происхождения честно глотают архивную пыль. В моё время числиться по архивам значило быть пристроенным на должность, отнюдь не пыльную. Помните, у Грибоедова: «С тех пор, как числюсь по Архивам...»?

– Спасибо, ваше превосходительство, что не упомянули Пушкина: «Архивны юноши толпою...» – Алексей зябко повёл плечами от неприятного сравнения. – Молчалин хотя бы был «деловой».

– Но безродный. В отличие от вас... Что ж, не стану более отвлекать вас. Приступайте к делу. Все шкафы этого кабинета отперты и все – в вашем распоряжении. Постарайтесь отобрать как можно больше. Помните, что остальное будет уничтожено мною ближайшим летом. Мой садовник имеет обыкновение устраивать на даче большой костёр из срезанных веток. Туда пойдут и оставшиеся бумаги.

Делать опись огромного архива, где вперемешку хранились личные бумаги и служебные документы, оказалось занимательно, но трудно. Алексей листал бумаги днями напролёт, до рези в глазах...

– У него хранились документы масонской ложи? – спросил Николай, замирая от восхищения. – Вы их нашли?

– Не вполне так. Я обнаружил один-единственный масонский документ. Зато какой!

Они уже остановились на углу Староконошленного и Сивцева Вражка – до дома Алексея Кондратьевича рукой подать. Вечер вступил в свои права: и темнота в небе сгустилась, и воздух, по-весеннему влажный, стал холоден. Уютно светил уличный фонарь, и ему вторили окна, приглашая в домашнее тепло, к ужину, к пледу, к семейным радостям. Молодых людей, впрочем, не так уж манили жилые покои. Одного ждал дома суровый отец, другого – толпа

соседей по ночлегу да убогая койка. Обоим ещё был памятен сытный обед, они не успели проголодаться. Кроме того, молодая кровь делала их нечувствительными к холоду весенней ночи. Тем не менее задерживаться на улице не было резона ни Алексею Кондратьевичу, успевшему вернуться как раз вовремя, чтобы избежать отцовского недовольства, ни Николаю, которому предстояло больше получаса топтать пешком по опустевшим улицам до своего жилища в Дорогомилово. Как ни хотелось говорить обстоятельно, а требовалось ужаться и перенести дальнейшие беседы на потом. Извольский стал говорить быстро, собранно:

– Папка, и в ней подшиты строительные сметы. Отчёты о затратах при постройке домов. Десять смет датированы началом двадцатых годов прошлого века, ещё четыре – серединой сороковых. Подписаны, соответственно, двумя подрядчиками.

– А что масонского в строительных сметах? – удивился Николай.

– На первый взгляд, ничего. Но документ странный. Ты представь себе. Обыкновенные жилые дома. Заказчики не указаны. Для чего-то сметы подшиты вместе. Что их объединило?

Николай пожал плечами. Дело ясное, какая тут загадка?

– Все дома строили для семейства Листовых.

– Четырнадцать домов?! – воскликнул Алексей Кондратьевич. – Листовы – богатый род, но не до такой же степени... Нет-нет, мне и в голову не пришло. Это надо быть Юсуповыми!.. Я рассуждал иначе. Допустим, подрядчик вёл учёт для себя. Но каким образом папка со сметами оказалась в архиве действительного статского советника, служившего по Министерству юстиции? Никаких ведомств по строению он никогда не возглавлял даже вследствие какой-нибудь курьёзной оказии – это я уж успел понять из содержимого его архива. Я из чистого крючкотворства стал внимательно разбирать сметы.

– Вы что, нашли тайные знаки? – спросил Николай нетерпеливо.

– Ни единого. Совсем другое! Кое-где приложены размеры помещений, ну и сколько отделочных материалов пошло. Это ведь по моей специальности, и я заметил несоответствие общих размеров дома сумме размеров отдельных помещений – естественно, с учётом толщины стен. Предположил тайные комнаты и вообще тайники. Раз такое дело, воспользовался разрешением Игнатия Фёдоровича делать с документами, что мне вздумается, и забрал папку с собой.

Извольский поднял документы Комиссии для строения города Москвы, которая руководила всем послепожарным строительством в городе в десятых – двадцатых годах прошлого века. Изучил тогдашние цены на разные строительные и отделочные материалы и обнаружил, что сметы завышены процентов на двадцать. Даже с учётом секретных помещений завышены. Стало быть, или подрядчик водил за нос заказчика, или материал был особенный.

За разъяснениями молодой человек, разумеется, обратился к хозяину архива, правдиво сославшись на трудности систематизации.

Алексей протянул Листову найденный документ.

Хозяин взял папку, легко поднялся из кресла и подошёл к окну в том месте, где был промежуток между гардиной и рамой. Подставив бумаги к свету и приложив к глазам пенсне, перелистал.

– Это не моё. Это принадлежало моему покойному сыну... – сказал Листов и медленно вернулся к своему креслу. – Моего сына скоро тридцать лет как нет в живых.

– Простите, что потревожил вас, – смутился Алексей.

Отступать ни с чем ему отчаянно не хотелось. Как бы всё-таки продолжить беседу?

– Не смущайтесь, – угадал его состояние старик. – Мне горько говорить о сыне. Знаете, потеря детей никогда не заживает. Горько, но уже не тяжело. Я готов. В середине восьмидесят первого года сын принёс домой эту папку. Я в глаза её не видел, теперь впервые держу в руках. После гибели Тимофея я не заглядывал в его бумаги. Долго не хватало духу, а потом потеряло смысл.

Он помедлил, а затем Алексей, не веря своему счастью, услышал:

– Это масонские дела. Тимофей был масоном. Я, признаться, не возражал против увлечения сына масонством: серьёзное дело лучше, думалось мне, чем гулянки да азартные игры. Я уважал сына и не влезал в его дела. Но и Тимофей отвечал мне уважением и доверием. Он счёл нужным объясниться. Предупредил меня, что имеет поручение хранить документы, принадлежащие ложе. Сын был рядовым членом ложи. Все разобрали понемногу.

Алексей слушал не дыша, не перебивал собеседника. Тот сам догадывался, какие пояснения требуются к рассказу.

– Видите ли, шёл восемьдесят первый год. Вы помните, что это за год?

Алексей так увлёкся рассказом, что замешкался с ответом, а затем смущённо проговорил, как отстающий школяр:

– Конечно, я знаю: год царевубийства.

– Александра Второго убили в марте. Новым государем был издан указ о введении режима усиленной и чрезвычайной охраны. Местная полиция получила право арестовывать любого человека, если есть подозрение в государственном преступлении, производить обыски, выемку имущества, которое может служить уликой преступления. Масонские организации были под полным запретом ещё с сороковых. Однако в либеральное царствование им довольно-таки вольготно жилось. Царевубийство всё переменяло. Товарищи Тимофея решили обезопасить документацию своей ложи, рассредоточив бумаги, ранее хранившиеся совокупно.

Старик остановил своё повествование, то ли желая передохнуть, то ли считая сказанное достаточным разъяснением. Извольский был вынужден задать собеседнику тот же вопрос, который теперь задал ему самому Николай:

– Как связаны строительные сметы с масонской ложей?

Ещё раз глянув на часы, Алексей Кондратьевич двинулся в сторону своего дома, продолжая рассказывать.

– Связаны самым прямым образом, – уверил Игнатий Фёдорович. – Масонская ложа вам не жалкая кучка заговорщиков. Она имеет собственное недвижимое имущество, и немалое. Вы, по всей вероятности, держите в руках сметы на дома, построенные для ложи около ста лет назад. Между прочим, Положение чрезвычайной охраны позволяло налагать секвестр на недвижимое имущество, если доходы от него направлялись на преступные цели. Представьте, какой простор для действий!

– Вы, должно быть, хотели бы оставить эту папку у себя? – спросил Алексей с сожалением. – Не позволите ли мне снять копии с этих бумаг?

– На что вам?

Игнатий Фёдорович задал свой новый вопрос тише и суше, чем говорил прежде. Алексей подумал, что старику всё же трудно говорить об умершем три десятка лет назад сыне, но, подавшись внезапному порыву вдохновения, ответил откровенно:

– Я хотел бы провести научное исследование. В этих сметах различаются намёки на тайные комнаты и особую отделку некоторых помещений. Ходит много слухов и домыслов, однако всерьёз об архитектуре масонских особняков известно мало.

Было видно даже в полутьме кабинета, как Листов весь подобрался.

– Что вы станете делать с результатами исследования?

Лить колокола Извольский посчитал в данной ситуации бесчеловечным, ведь старик доверил ему самую сокровенную и самую болезненную тайну своего архива. Поэтому Алексей честно сказал:

– Речь идёт о прошлом, потому, полагаю, открытие можно объявить коллегам, не нанеся никому вреда. Я сделал бы серьёзную научную работу. Для публикации.

– Прекрасно, – неожиданно для Извольского отозвался Игнатий Фёдорович с проснувшимся вдруг злым энтузиазмом. – Давно пора раскрыть секреты этих масонских заговорщиков и предать их огласке. Уж я-то определенно не расписывался в том, что стану хранить их тайны. Тимофей, к несчастью, присягнул им на верность, за что и поплатился жизнью. Изучайте и разбирайтесь, сколько понадобится. Ежели ещё что найдёте полезного для своих изысканий по масонству в моём архиве – всё ваше.

Однако других масонских документов в архиве Листовых не обнаружилось...

Молодые люди остановились у большого двухэтажного особняка с мезонином. Над особняком с правой стороны нависала почти вплоты громада доходного дома. Остальная застройка вокруг оставалась, впрочем, ещё соразмерной: низенькой и с расстановкой. В окнах первого этажа, плотно зашторенных, горел свет.

– Подожди! – перебил сам себя Извольский.

Он нажал широкую кнопку дверного звонка. Почти сразу ему открыли. Высунулась женщина в фартуке и приветствовала Алексея Кондратьевича. Из глубины дома пахло теплом и слабым ароматом выпечки.

– Скажи отцу, что я уже здесь, поднимусь через пять минут, – распорядился Извольский и повернулся к Николаю. Дверь закрылась, но замок или щеколда не щёлкнули. – Так вот, – продолжил Алексей Кондратьевич с заметным облегчением, – я решил лично обследовать дома, ведь адреса были указаны – правда, по старинке, но разобраться удалось. Всё. Вся история. Теперь наметил познакомиться с остальными особняками из подборки и другими домами известных масонов – девятнадцатого столетия и из восемнадцатого, куда сумеем попасть. Я уж знаю, что искать, на что обращать внимание.

– Спасибо, что рассказали, – задумчиво ответил Николай и вдруг спохватился: – А как этот Тимофей Листов погиб-то?

– Ах да! Вышла нелепая история. Он погиб в конце восьмидесят первого года. Я говорил тебе о режиме усиленной охраны. В Москве и в Петербурге до сих пор не отменён этот режим. Нам привычно. А тогда было внове. Тогдашние конспираторы, с одной стороны, ещё не приучились толком хорониться: царствие Александра Второго было либеральным... А с другой стороны, стали ждать от жандармов, от любого городского чего угодно. Собrania ложи проводились, как обычно, по вечерам; засиживались подолгу. Тимофей Листов вышел на улицу вместе с мастером-секретарём и с кем-то из рядовых мастеров. Ну и получилось, что вышли прямо навстречу жандармскому разъезду. При секретаре были акты собрания. Если бы Листов успел назваться, их бы не арестовали и, определённо, не стали бы обыскивать. Разве что свели к отцу – удостоверит личность. А двое других членов ложи были дворяне тоже, но не знатного происхождения. Они ударились в бегство.

– Побоялись, как бы не обыскали и как бы акты собрания не открыли, что есть такая ложа? – сообразил Николай.

– Именно! За ними погнались, стреляли. Двое братьев решили во что бы то ни стало прикрыть секретаря, спасти документы. Если я верно понял... знаешь, переспрашивать было неловко... Если я верно понял, у одного из масонов был при себе револьвер, он отстреливался. В общем, патрульные застрелили Листова наповал. А двоим другим удалось убежать невредимыми. Вот этого Листов-отец не может простить масонам.

– Что убежали и бросили его сына?

– Скорее того, что втянули в нелепую перестрелку. Игнатий Фёдорович и сам оказался в нелепом положении: полиция его расспрашивала, не мог ли сын примкнуть к террористам. Понимаешь? Тогда это было на уме у них, а не масоны. Но Игнатий Фёдорович не дал показаний. Из гордости. Потом этот самый секретарь ложи приходил лично, рассказал, как было

дело. Мол, ваш сын погиб как герой. Но старик убеждён, что он приходил только из-за документов, которые хранились у Тимофея. Хотел выручить документы.

– И старый Листов не отдал?

– Выгнал из дому и вслед потребовал, чтоб ноги масонской отныне не ступало в его дом.

– Они могли бы потом, попозже, залезть и выкрасть. Как мы с вами сейчас лазаем.

– Невозможно. Я думал об этом. Тайно проникнуть в дом Листова или обманом, а тем более – попасть в покои хозяев, закрытые для гостей, – невозможно. У них тогда было много прислуги, все – из бывших крепостных, очень преданные. Старик строгий хозяин, но заботливый. Это он сам заявил, да и заметно. За таких слуги стоят горой. А ведь надо не просто проникнуть в кабинет, а переруть его... Ну всё, прощай пока, – заторопился Алексей Кондратьевич, – доброй ночи!

Николай отправился своей дорогой сквозь Москву, которая теперь неуловимо переменялась для него.

Отрывок из романа А. Кенича «Ясные звёзды»: В гостях в Новом Свете

Уже стемнело чёрно-бархатной августовской темнотой, сгустились ароматы цветов и кошеной травы: лужайки тут были выкошены, определённо, сегодняшним утром. Ночные насекомые проносились точно кометы. Весело горели факелы на открытой веранде и в садике, давая много света; выхватывали из темноты краснокирпичные стены особняка, похожего на средневековый замок.

Никита Ильич сам подошёл к мистеру Моллисону. Тот в течение всего вечера ловил взгляд русского, однако стоически воздерживался от того, чтобы первым возобновить общение. Он так же стоически воздержался от того, чтобы просиять лицом, когда услышал, что господин Болотин был бы рад вступить в братство истинных вольных каменщиков. Широко улыбнулся с делано спокойным радушием, крепко сжал русскому локоть. «Фамильярные тут нравы», – подумал Никита Ильич, впрочем, без раздражения.

– У себя дома, в Санкт-Петербурге, вы сможете основать ложу! – выпалил мистер Моллисон, закрепляя успех.

Видать, кто-то подкинул ему сильный козырь. Или сам надумал?

«Дома в Санкт-Петербурге!» – про себя усмехнулся Никита Ильич. Он снимал маленький дом в Царском Селе, но редко задерживался там надолго и столичным жителем себя не считал. Подумывал купить участок в Москве и построиться. Москва после пожара отстраивается согласно новому генеральному плану. Обещает получиться стройный, ладный, удобный город!

Однако неужели речь идёт всерьёз о патенте?!

– Основывать братство надобно не для личного развлечения или же чувства власти, а когда имеешь определённую цель, имеешь идею, – вежливо осадил он Моллисона.

– О, идея у вас появится, не сомневайтесь! – уверил тот, совершенно позабыв о приличиях.

Никита Ильич оставил бестактную реплику без ответа. Внезапно мысли его приняли совершенно новый оборот.

«Нужно поставить условием: чтобы приняли со мною вместе офицера из команды», – решил Болотин. Сказать по совести, Никита Ильич не изобрёл разумного способа оправдаться перед самим собой в остром желании разделить интересное и необычное дело с добрым товарищем. Просто веселее вместе. И надёжнее. Он сразу придумал, кого позовёт с собой на странное это дело – вступить в масоны Нового Света...

Был в составе экспедиции средних лет офицер, ничем особенно не выделявшийся, Анатолий Пьянов. В общение вступал он редко и лишь по делу, держался с вышестоящими без подобострастия, с нижестоящими – без надменности. Вот и всё, что заметишь про него. С Никитой Ильичом был он знаком прежде – случайно и, как говорится, шапочно – познакомились в Английском клубе в Москве. Пьянов был москвичом и по рождению, и по месту постоянного жительства, и по самому образу мыслей. И ещё Пьянову повезло быть выбранным в члены Московского Английского клуба. Болотин же оказался тогда в Первопрестольной проездом после экспедиции. Представил их друг другу товарищ Никиты Ильича по масонской ложе, который как раз и пригласил Болотина провести вечер в клубе. У товарища язык за зубами не держался, потому новый знакомец уж с самого начала узнал, что Болотин тоже состоит в масонах.

Болотин, к слову, состоял в ложе, имевшей места для собраний как в Петербурге, так и в Москве, что было весьма удобно при его кочевом образе жизни.

В день знакомства, в Москве, где воздух ещё был пропитан гарью, хотя более двух лет минуло от пожара, недолго проговорили ради вежливости да разошлись. Но в скуке атлантического похода, не отмеченного слишком грозными бурями и штормами, Анатолий Львович, пользуясь любым удобным случаем, подступал к Болотину с расспросами о масонстве. Никита Ильич отвечал как человек, с одной стороны, связанный клятвами хранить определённые тайны, с другой – порядком разочарованный, однако понимал, что неизбежно по возвращении в Отечество Пьянов попросит рекомендацию для первого посвящения.

Однажды Анатолий Львович сказал с усмешкой:

– Должны наши беседы забавлять сторонних наблюдателей. Вот, скажут, два бирюка сошлись!

Верно подметил. Оба сторонились хмельных застолий да длительных карточных баталий с бесполезными, ненужными разговорами, скоро уходили в себя, вовсе уходили от компаний. Никита Ильич пустой болтовни не терпел и давно пресёк бы, если б не чувствовал, что для Пьянова разговоры о масонстве не являются лишь способом скоротать время.

Масонство тот всё же понимал по-своему. Никитой Ильичом оно мыслилось, в первую очередь, как исполнение общественного долга, возможность принести пользу, большую, чем на государственной службе. Послужить людям тайно, думалось ему, можно с большей отдачей, нежели при явной службе, чересчур многими препонами ограниченной. Анатолий Львович, в свой черёд, интересовался – куда более, чем общественной пользой, – чудесами. Ему романтически представлялось, как многим непосвящённым, что каждого масона при проведении обрядов наделяют особым даром – не то сквозь стены видеть, не то владеть человеческой волею посредством силы взгляда, не то предметы воспламенять.

А всё же не могут люди постоянно мусолить одну и ту же тему. Часто заговаривал Анатолий Львович о родной Москве, по которой скучал. Семья его – жена с детьми и пожилой отец – оставались пока в фамильном имении под Волоколамском, где климат был, по его суждению, сыроват. Анатолий Львович мечтал скорее отстроиться в Москве и перевезти семью. Он горько переживал разрушение и разграбление московских святынь французским войском. Пожар, кажется, куда менее огорчал его.

– Любим здравым резонам вопреки Москва была застроена. Курятник на курятнике!

– Но Баженов, Казаков! Столько великих творений восемнадцатого столетия утрачено безвозвратно. Ужели не жалко вам? – возражал Болотин.

Пьянов принуждённо соглашался, однако мыслями был устремлён в будущее. Он переживал из-за стеснённости в средствах, но повторял твёрдо:

– Ничего. Отстроимся!

Большое подспорье видел в образцовых проектах, разработанных архитекторами по заданию Комиссии для строения Москвы.

– Гораздо удешевляет строение. И красиво будет: весь город в общем стиле. Площади, улицы широкие, дома строго в линию. А образ совсем другой, нежели петербургский. Копирования нисколько! Самый дух Москвы будет сохранён, самая суть. Очень хорош проект застройки!

Увлечённость-то Пьянова строительством и решила дело, когда Никита Ильич вдруг бухнул ему:

– А не хотите ли стать североамериканским масоном?

Анатолий Львович смущён был немало и усомнился, отчего же непременно североамериканским? Не лучше ли вступить в братство в родном Отечестве? Однако услышав, что «истинные вольные каменщики» готовы поделиться сокровенными секретами зодчества, загорелся:

– Это нужно нам нынче. Нельзя отказаться!..

При переговорах с американцами возникло затруднение. Те были рады-радешеньки принять в ряды своего братства двоих русских вместо одного. Но вот загвоздка. Кандидату полагается пройти испытательный срок прежде, чем он заслужит право посвящения в ученики. Тут

Никита Ильич, к церемониям, тем паче заморским, относившийся равнодушно, взял грех на душу: чувствительно наступил Пьянову на туфлю, чтобы молчал, и соврал не моргнув глазом:

– Мой товарищ глубоко постиг масонские истины. Лично по моей рекомендации он принят учеником в русское братство, в котором состою я сам. Посему господин Пьянов вполне достоин стать подмастерьем любой ложи мира.

Хозяев объяснение устроило.

Болотину, как мастеру, не полагалось проходить церемонию посвящения. Внеси первый взнос, поклянись соблюдать устав ложи и хранить её секреты – и свободен. Пьянова принимали с соблюдением положенных ритуалов и в присутствии русского мастера. Обряд прошёл суше и будничнее, нежели такой же в ложе отечественной. Пока товарищ его трепетал от противоречивых чувств, Никита Ильич скучливо озирался по сторонам: скорее бы перешли к делу!..

– Обманным путём проникнув в братство, не уверен, могу ли я теперь считать себя настоящим масоном, – растерянно поделился впоследствии Пьянов.

– Можете. Не сомневайтесь. В чём обман? Не занимался ли я с вами всю дорогу? Мне тут обещан патент на открытие ложи. Посему смело считайте, что первое посвящение приняли от меня. Без ритуала – не обессудьте, по-походному...

Новоявленные североамериканские братья сразу после посвящения приступили к делу: принялись показывать и рассказывать русским, как устроен особняк, где проходила церемония.

Никите Ильичу привелось в своей жизни работать самые разные жилища. Шалаш из еловых веток для лесной ночёвки. Хитро устраивается костёр у входа так, чтобы дымом от сырых веток тянуло внутрь шалаша – отпугивало мошку. Если дымило исправно, встаёшь с головной болью, если костёр потух – скоро поднимаешься опухшим от укусов. Прочное бревенчатое зимовье ставили на крутом речном берегу. Настоящую юрту собирал вместе с телеутами. И материалы сооружений ему были любопытны, и внутреннее устройство.

Между тем ничего принципиально нового в устройстве помещений особняка, предназначенных для собраний ложи, он не нашёл. Кто из масонов не устраивает в домах своих потайных комнат для проведения ритуалов, кто не хранит в тайнике полузапретных книг, вещей для проведения обрядов да предметов, наделённых якобы особой силой – так называемых движимых драгоценностей? Хозяева привели и расчёты расположения тайников, включая толщину стен, и варианты отделки. Они представляли известный практический интерес, но в России другие материалы для строительства, и расчёты, соответственно, тоже свои.

Затем русских членов Ложи истинных вольных каменщиков повели наново знакомиться с городом. Показывали здания, украшенные масонской символикой, но и из этого новости для русских братьев не получилось. Внимательный к мелочам Болотин и влюблённый в масонство Пьянов и прежде при прогулках по улицам самостоятельно приметили циркули с наугольниками, молотки, звёзды да заключённые в треугольник лучистые глаза на иных фасадах. Масоны Нового Света жили вольготно: откровенно заявляли о себе на каждом углу. Хозяева особенно напирала на то, что отмеченные символами дома отличает особая добротность постройки и цемент чрезвычайно крепок.

«Будто школяры», – думал русский о североамериканских братьях. Никита Ильич не скрывал скуки. Либо Моллисон со всеми его товарищами – болваны, возомнившие себя великими строителями и конспираторами, либо его самого за простака держат и подлинных секретов не раскрывают.

Истинные каменщики были, несомненно, патриотами своей молодой страны и гордились своим юным городом, отчасти выстроенным собственными руками. Глубоко сокрушались об уроне, нанесённом ему пожаром, который устроили англичане, бессильные одержать чест-

ную победу на поле боя, зато гораздые, подобно Герострату, сжигать великолепные здания и книжные сокровищницы. Русские тайком переглядывались, пряча печальные ухмылки. Улучив момент, Пьянов шепнул Болотину:

– Видели б они Москву!

Между тем мистер Моллисон пояснил, что англичане не рискнули нанести урон частной собственности и сожгли только правительственные и другие общественные здания, потому большая часть города осталась цела, а с нею – и большая часть построек истинных вольных каменщиков.

– Верно ли я понимаю, что дома вы воздвигаете для весьма влиятельных людей? – спросил Никита Ильич, внимательно выслушав сообщение о том, для кого именно были построены сохранившиеся особняки, а также о назначении зданий, погибших в огне. – Правительственные здания, также особняки сенаторов, ну и прочее подобное представляют власть политическую, в свою очередь, усадьбы самых богатых людей можно прямо соотнести с властью экономической. Так?

– Совершенно точно, мистер Болотин! – радостно и гордо подтвердил Великий мастер ложи, лично сопровождавший русских братьев в прогулке по городу. – Вы уловили самую суть!

Не упустив случая польстить гостю, Моллисон добавил:

– Вам буквально написано на роду стать главой ложи!

Болотин игнорировал льстивое замечание, спросил:

– А владеет ли ложа собственной недвижимостью?

– Безусловно! – кратко подтвердил Моллисон.

– Разрушения, причинённые англичанами, навели нас на одну конструктивную идею, – заметил глава Ложи истинных вольных каменщиков, однако развивать мысль не стал.

Вскоре американцы, переглянувшись, стали прощаться и назначили встречу на следующий день. Анатолий Львович на встречу приглашён не был. Никита Ильич, ощутив твёрдость намерения хозяев, защищать интересы товарища не стал, однако, едва оставшись наедине с Пьяновым, опрометчиво пообещал в скором времени рассказать о том, что увидит и услышит.

На следующий день Болотина ждал Моллисон с подробной картой штата Колумбия, на которую был нанесён проект новой застройки. Вот теперь-то гостю из России предстояло услышать нечто совершенно неожиданное.

Оказывается, между всеми постройками, к которым приложили руку мастера ложи, существует магнетическая связь, или, как стало здесь модно выражаться с недавних пор, вибрация. В результате весь столичный штат пронизан незримыми вибрациями. Предполагается, что они должны распространиться на весь Северо-Американский континент.

– Какой же цели служит сей магнетический резонанс?

– Цель триедина – объединение, распространение и процветание.

– Объединение нескольких лож?

– Берите выше! Штаты у нас очень разные: и хозяйство ведут каждый на свой манер, и даже политические предпочтения различаются, – доверительно сообщил Моллисон. – Что касается лож... В каждом штате по Великой ложе, да не по одной, – пожаловался он задумчиво и заключил: – Словом, потребность в объединяющей силе очень велика.

Болотину припомнилось, что в недавней войне Северо-Американские Соединённые Штаты стремились отбить себе Канаду и кое-что ещё из английских колоний. На правах теперь уже своего он лукаво усмехнулся и с фамильярностью, которая здесь считалась, как он успел заметить, в порядке вещей, поинтересовался:

– Полагаю, замахнулись на большее, чем нынешние Соединённые Штаты, однако мне уж не доложите?

Моллисон отозвался тонкой улыбкой.

– Я откровенно назвал вам вторую цель: распространение ложи, её идей и жизненных порядков, ею учреждаемых. Извольте взглянуть!

Производитель работ указал на карту.

– Мы решили усилить вибрации... Или магнетизм – как вам привычнее называть. Мы усилим магнетическое влияние нашего зодчества, нанеся символ прямо на карту города. Смотрите! Вот тут пока что пустырь, однако он уже определён как место под застройку. Тут можно творить по нашему усмотрению. Вот здесь, здесь, здесь – отмечено крестиками – мы выкупили нужные участки в собственности ложи. На них поставим здания, разумеется, с самым строгим соблюдением всех правил. Видите фигуру?

– Внешние точки складываются в равносторонний пятиугольник... А внутренние... Постоите! Получается пятиконечная звезда? – догадался Болотин.

– Совершенно верно! Великолепный символ, не так ли? Уравновешенность и развитие, стабильность и движение. Защита и распространение себя, всеохватность.

Болотина заинтересовало, для чего же такая расточительность.

– Целая территория внутри города оказалась за незримой чертой. Что это значит? Зачем это? Крепость? Нечто сродни магическому кругу?

– О! Совсем не имеет значения, что располагается внутри фигуры, – улыбнулся Моллисон. – Главное – создать нужные вибрации.

– Да, грандиозный у вас замысел, – произнёс Никита Ильич индифферентным тоном, подавив насмешливую интонацию.

Показалось ему преглупым, что взрослые, влиятельные и даже, по его мнению, весьма ушлые господа затеяли игру, при этом весьма дорогостоящую.

Дальше, впрочем, ему стало уже не до смеха, поскольку дело подошло к патенту на открытие Ложи истинных вольных каменщиков в России и к сопутствующим получению патента ритуалам и наставлениям.

Тут Болотин затеял порядочную рубку и вышел из неё победителем.

Никита Ильич потому ухватился за возможность перейти в североамериканскую ложу, что это давало возможность создать новое братство без опеки «Великой Астреи» или же «Великой Провинциальной ложи», а исключительно по собственному усмотрению. Пустая болтовня большинства знакомых масонов, игры иных в нешуточные политические интриги, а других – в мистические таинства надоели ему.

Болотин много потрудился и, несомненно, превзошёл самого себя как дипломат, убеждая заокеанских братьев предоставить ему полную свободу при установлении иерархических отношений в его будущей ложе, а также определении ритуалов, правил, внутреннего распорядка жизни ложи.

Напирал всё больше на своеобразие русской души, к которому непременно необходимо адаптировать древнеанглийскую систему – а истинные вольные каменщики именно к ней принадлежали. Вы, мол, драгоценные братья, головы изломаете, ежели попытаетесь разобраться, так что лучше предоставьте решать вопросы организации жизни ложи мне самому. Ведь главное что? Чтоб мы с вами общее дело делали, верно?

Североамериканцы отчаянно сопротивлялись такой невиданной свободе, но Болотин ясно дал понять, что в отношениях, построенных по-иному, он не заинтересован нисколько. Хозяева принуждены были сдаться. Взамен обещал отправлять регулярные отчёты о деятельности дочерней ложи.

Дальше пошло как по маслу. Болотин узнал, какими методами достигается магнетизм каждого строения в отдельности и осуществляется резонанс вибраций всей их обширной сети. Сетовать на недостаток свежих знаний более не приходилось, хотя ценность этих знаний оставалась для него под большим сомнением.

Глава 3

Они ещё здесь

В последнее время Николай жил так, будто оказался в одном из самых радостных детских снов: когда то бродишь по необычному миру, ничем не сходному с окружающей тебя повседневностью, то побеждаешь врагов одним неуловимым движением и чувствуешь у плеча дыхание невидимых, но надёжных друзей. Он представить не мог прежде, что не во сне и не в младенчестве, а наяву и взрослому может быть так увлекательно. В нетерпении просыпаться утром, так как день сулит новые поиски и открытия...

– Поднимайся! Скорее ко мне!

Голос Алексея доносился сверху, из-за каких-то перегородок, и звучал глухо. Не разобравшись: кричит он радостно, или испуганно, или просто напрягает голос, чтобы дозваться своего помощника. Николай помчался по лестнице, перескакивая ступеньки, подстёгиваемый всё же больше любопытством, нежели тревогой. Ну, разве, в самом деле, могло что-нибудь нехорошее приключиться с человеком в пыльном мезонине необитаемого особняка?

Чёрт! Николай преодолел ещё пару ступенек, но остановился, не дотянув и до пролёта.

Лестница была выстроена затейливо: с первого этажа до промежуточной площадки она степенно поднималась широкими и пологими ступенями, обрамлёнными массивной ковкой. Кованые перила витиеватого узора несли на себе широкий, массивный дубовый поручень. С площадки две двери, не самого парадного вида, вели на антресоль. Этот фактически второй этаж существовал только со двора, куда и выходил окнами. На фасаде же кирпичного послепожарного старожила красовались высокие окна парадного зала и полукруглое окно мезонина над треугольным фронтоном. Лестница в мезонин уходила от промежуточной площадки вбок и поднималась с поворотом. Узкая, без украшений, а ступеньки очень крутые.

Кто из господ мог жить в такой скворечне? Точно – не женщины. А слуг стали бы селить над собственной головой?

Николай, держась за дубовый поручень, старался отдышаться поскорее, чтобы не заставить Алексея Кондратьевича ждать, да и самому не терпелось узнать, что тот обнаружил интересного наверху. Но грудь, как назло, продолжало давить. Не свалиться бы в обморок. Ещё и с лестницы покатишься – выйдет полный позор!

– Ну, где ты запропастился?

Голос Алексея Кондратьевича на сей раз раздался прямо над головой: тот вернулся к лестнице.

– Я сейчас подымусь! – выдавил Николай на остатках воздуха.

– Что, опять худо?!

– Ничего, я сейчас!

По ступеням вниз застучали торопливые шаги.

Тут-то, как на смех, припадок прошёл. Кончиться бы ему секундой раньше!

– Всё, Николай, с меня довольно! – сурово объявил Алексей Кондратьевич.

Николай ещё ни разу не замечал за мягким, по видимости, господином Извольским подобной суровости. Неужели всё?! Сейчас объявит, что ненадёжного пособника в интересных поисках ему не нужно. И настанет пробуждение от радостного сна.

– Держи!

Алексей Кондратьевич, нырнув рукой во внутренний карман, протянул Николаю синенькую. Тот оторопел. Расчёт. Его выгонят прямо сейчас, не дадут даже заглянуть в мезонин!

– Возьми же! Пойдёшь к доктору. Я напишу адрес... Не бойся, – добавил Алексей Кондратьевич, заметив, что парень мешкает взять деньги, – это не в счёт твоей заработной платы,

а сверх того. Ты – товарищ мне, и я могу делиться с тобой... Хотя бы тем, что досталось мне легко.

Николай молчал, переживая перемену, которая внезапно свершилась для него во всей картине происшедшего. Алексей Кондратьевич добавил:

– И не в долг. Просто так... Да сколько я буду стоять перед тобой с протянутой рукой? Он мягко засмеялся.

Николай нерешительно поднял руку. Не взять денег – значит обидеть Алексея Кондратьевича в лучших намерениях. Но брать подарки от господ он не привык. Это противно отдавало... холопством, что ли?

– Алексей Кондратьевич, – решил он, – я и сам заработаю на доктора.

– Знаю, что заработаешь. И знаю, что не отдашь на врача, пожалеешь. Ты ещё не купил всех тех подарков, каких хотел бы, матери и родным, а скоро ехать. Повторю ещё раз, а больше говорить не стану: ты – товарищ мне, а у товарища взять помощь не постыдно.

Николай вспыхнул, забрал купюру и, сделав вид, что возится с потайным карманом, опустил голову, чтобы скрыть краску, залившую лицо. Деньги он отработает Алексею Кондратьевичу. Но как ответит на его добрые слова? Чем оправдает доверие этого образованного, умного, интересного человека? Вытащить из подпола на крепкой верёвке да придержать измерительную рулетку – это ведь ещё не товарищество. Нужно быть на равных по уму, по знаниям. Нужно суметь сообщить нечто значительное и предложить нечто полезное...

– Ну, всё, отлегло у тебя? Можешь идти? Идём же! Я покажу тебе самый настоящий масонский храм!

Они остановились на верхней площадке лестницы перед полуоткрытой дверью, за которой было очень светло.

– А, погоди! Скажи прежде, заметил ли ты, какая черта отличает все особняки из документа Листова, ну, те, на которые хранилась у Листова подшивка смет? Архитектурный элемент в них есть одинаковый. Особенность планировки. Даже у того, что выстроен в сороковые годы, то же. Ну? Подумай!

Алексей Кондратьевич выпалил свою загадку азартно. Николай даже прикрыл глаза, припоминая внешний вид крепеньких домиков.

Они уже осмотрели много разных особняков – из подшивки смет, которую Алексей Кондратьевич называл «документом Листова», а также других, про которые господин Извольский точно знал, что они некогда были выстроены людьми, состоявшими в масонах. Хотя Николай был довольно внимательным, но схожие между собою строения начали путаться в голове. Алексей-то Кондратьевич, в отличие от него, сразу всё записывал – вот и задал вопрос, к которому Николай не знал, как подступиться.

– Вроде обыкновенная у них планировка. Колонны... Так у всех... Львы – там были, а там нету... Да львы – не планировка...

– Молодец, верно, львы и колонны – украшения, а не планировка!

– Зал с большими окнами, высокими потолками... Тоже у всех...

Очень хотелось самому отгадать загадку.

– Бери выше! – воскликнул Алексей Кондратьевич нетерпеливо.

– Выше – крыша, – пожал плечами Николай. – Печные трубы, мезонин. А! Что-то с мезонином.

Ничего-то Николай сам не сообразил, просто понял намёк. Ведь стояли они теперь у входа в мезонин как раз.

– Вот именно, мезонин! Есть же общее? Пошли!

«Мезонинов везде навалом, хоть деревенский дом возьмите», – собрался сказать Николай, но промолчал, ожидая подвоха. Осмотрелся. Помещение просторное и совершенно

пустое. Окна на три стороны, и с четвёртой – вход... С чего господин Извольский решил, что тут был масонский храм?

Не хотелось бы Николаю попасть пальцем в небо теперь, когда Алексей Кондратьевич назвал его своим товарищем, но и промолчишь – умнее выглядеть не будешь. Он всё же рискнул и сказал про окна.

Алексей Кондратьевич обрадовался:

– Точно! Этот мезонин крестообразный! Мы с тобой встречали и тройные, птичьей лапкой, если смотреть сверху. Согласись, ведь такие не на каждом шагу встретишь в Москве! Но все дома из документа Листова с крестообразными и Т-образными мезонинами.

Вот оно что! Отгадал!

– А из чего видно, что это был храм? Может, тут жил кто?

– Мезонины частенько отдают детям, – заметил Алексей Кондратьевич. – Мне так нравилось мальчишкой, что в моём распоряжении мой собственный этаж! Я и теперь там живу, – добавил он с непонятым смущением. – Но здесь всё устроено не для детей. Уж тем менее – для прислуги. Цельное помещение было тут с самого начала, я уж осмотрел. Никаких следов снесённых стен. Так задумано. Как мастерская художника, поскольку много света, – добавил Алексей Кондратьевич, обводя взглядом помещение. – Похоже на храм из-за стрельчатых сводов.

Мысли Николая озарились внезапным пониманием.

– Светлая храмина? – спросил он с надеждой. – В полуподвале чёрная, а в мансарде – светлая?

– Весьма возможно, – подтвердил его догадку господин Извольский. – Похоже на зал для проведения ритуалов. И в центре – алтарь. Смотри! Вмятины на полу от ножек. Тут стоял стол прямо посередине.

Отделка мезонина полностью сохранилась, какой была создана почти век назад. Стены крашены бланжевой клеевой краской, однотонной, с еле различимым теперь орнаментом из звёзд.

– Очень модный был орнамент в первые десятилетия девятнадцатого века, – заметил Алексей Кондратьевич. – Смотри-ка, даже на потолке звёзды.

Верно, и на потолке, если хорошенько приглядеться, можно было различить кое-где слабый намёк на золотые и серебряные лучи.

Для порядка простучали потолок и стены. Ничего интересного. Этим Николай больше занимался, пока Алексей Кондратьевич размышлял, осматривался. Тот и не ожидал найти здесь тайник.

Научный интерес господина Извольского Николай, конечно, в целом разделял, но по-прежнему надеялся, что однажды они найдут какую-нибудь реликвию из таинственного прошлого прежних хозяев дома, который пришли изучать. Потому он расстроился, не найдя тайника, в то время как Алексей Кондратьевич радовался вмятине на полу, расположенной в подходящем для стола месте. Алтарь там не алтарь – это ещё бабушка надвое сказала. Николай, не сдержавшись, посетовал вслух:

– Найти бы что-то посущественнее вмятины на полу!

– Это ты напрасно, – спокойно отозвался Алексей Кондратьевич. – То, что мы нашли, – не такая уж малость.

Николай промолчал. Кому – что.

– Пожалуй, время подвести кое-какие итоги, – задумчиво сказал господин Извольский и вдруг решительно распорядился: – А ну-ка, садись! Поговорим!

В углу у стены расстелили газеты, которые Алексей Кондратьевич вечно таскал с собой, чтобы вставать на них коленями, исследуя пыльные да грязные полы. Уселись рядом, расслабленно прислонив усталые спины к стене, тоже, по совести говоря, не шибко чистой.

– Мы с тобой осмотрели пока в общей сложности одиннадцать домов, – начал Алексей Кондратьевич, неподвижно уставив глаза куда-то влево от себя, как будто там прямо в воздухе висели записи с выкладками. – Семь – по документу Листова. Строенных после пожара сохранилось из десяти семь, и в шести из них мы побывали. Жаль, в седьмом хозяин оказался неприветлив. Арендаторы и агенты стговорчивее, видно, оттого, что не своё. С теми особняками из документа Листова, что строены в начале сороковых, к сожалению, хуже дело. Из четырёх до наших дней стоят три, а побывали мы только в одном – что готовят под аренду, но сдать вряд ли смогут, и пойдёт на снос.

Алексей Кондратьевич сыпал нудными выкладками сухой цифири, а Николай слушал, как заворожённый: сумбур весенних изысканий превращался в стройную арифметическую систему.

– Теперь те четыре особняка, что не имеют отношения к подшивке смет из дома Листова, но, по моим сведениям, тоже строены в своё время масонами. Два – послепожарные и ещё два я разыскал допожарных, конца восемнадцатого столетия. Из сороковых годов ничего масонского не найти, поскольку уже масонство попало под жёсткий запрет, кто состоял в ложах, кто нет – одни слухи, верных сведений нет.

Коли весь «документ Листова» освоили, и даже сверх того, значит, поискам конец, подумал Николай и вздохнул. Алексей Кондратьевич, очень чувствительный ко всяческим переменам настроения у любого собеседника, заметил и сразу отозвался:

– Всё-всё, цифирь кончена, сейчас скажу по сути.

– Вы говорите как есть, Алексей Кондратьевич, мне всё интересно!

Тот мягко усмехнулся.

– Вот и говорю. Все масонские дома оказались устроены примерно одинаково – что из документа Листова, то есть из подборки смет, что другие, даже восемнадцатого столетия. Комнаты для собраний и ритуалов, чёрные храмины для посвящения в мастера, тайники для хранения реликвий, актов, других документов лож. Даже когда масонам не требовалось скрываться, делали потайные помещения, маскировали входы. Так у них положено, говорят. Без конспирации не интересно.

Пока Алексей Кондратьевич перечислял все эти приметы масонских домов, у Николая проходили перед глазами бывшие тайники с засунутыми в них мётлами да ломаной мебелью, потайные лестницы, наглухо заколоченные досками – еле отдерёшь, заложенные кирпичом – насилиу отыщешь, обрывки чёрного штофа. Собеседник думал об этом же:

– По большей части, тайные помещения давно вскрыты, приспособлены для нужд жильцов... Что интересно, ни один особняк из подборки Листова не подвергся перестроению. Сто лет всё сохранялось в них, как было сделано изначально!

– Добротно сделано, зачем крушить? – поделился своим объяснением Николай.

– Вот и я так думаю, – сказал Алексей Кондратьевич. – И стройматериалы, и работа отменные. Видимо, Тимофей Листов принадлежал к очень богатой ложе, которая выделяла денег на строительство и не жалела добавить на качество. К примеру, в особняке, скажем так, не «листовском», и фундамент, и кладка цокольных помещений изумительные, но выше – сруб, а не кирпич. Опять же, перекрытия сосновые. Это тебе не дуб, сам понимаешь! А другой дом и вовсе сработан так, как обыкновенно и бывает: местами со всем тщанием, а где хозяин недоглядит – с небрежением; иных огрехов и за сто лет не поправили.

Какие-то выходили у господина Извольского выкладки обыденные. А есть в домах масонов кое-что позагадочнее кирпичей, и уж куда возвышеннее – во всех смыслах!

– А знаки? – напомнил Николай. – Вы показывали мне специальные знаки на некоторых домах, прямо над парадным входом. – Николай сделал над собой усилие и с удовольствием вытащил из памяти слово: – На фронтонах!

– Да, на фронтонах, – одобрительно улыбнулся Алексей Кондратьевич своему собеседнику, как учитель – прилежному ученику. – Ты прямо в корень смотришь! Знаешь ли, ни на одном из особняков документа Листова нет масонских символов! Ложа была богатая и весьма законспирированная. По крайней мере, не выставляли себя напоказ.

– Вы же сказали: их мезонины отличны ото всех других московских. А они-то – на виду. Алексей Кондратьевич и на миг не смутился.

– На виду-то на виду. Но это ж нужно догадаться. А как бы ты догадался, если б не знал, что существовала такая ложа и построила себе после пожара кучу недвижимости в виде особняков с крестообразными и Т-образными мезонинами? Особняки-то не числятся за масонской ложей, если уж она действует скрытно, а записаны на разных владельцев – её членов.

К радости Николая, выяснилось, что исследования господина Извольского были ещё совсем кончены. Тому хотелось осмотреть для сравнения ещё несколько самых обычных, не масонских, особняков. Если же повезёт договориться с жильцами, то изучить ещё масонские любого времени постройки – какие получатся. Смущали Николая только десять нерабочих пасхальных дней. Ясно, что в праздник никто ничего исследовать не станет. Если же Алексей Кондратьевич попросит задержаться в городе до окончания выходных, чтобы продолжить исследования после, то придётся десять дней оплачивать койку зазря и проехать заработанное. Интересно, конечно, было бы провести праздник в Москве: посмотреть иллюминации и столичные ярмарки, как на Рождество. Но время-то потратишь впустую.

Господин Извольский, однако, разрешил его сомнения наилучшим образом.

– Ты когда намерен вернуться домой? – спросил он.

Николай ответил, как есть.

– Не беспокойся! Сделаем до конца апреля, что успеем, а остальное можно закончить и осенью. Мне пока с лихвой хватит материала для обработки. Продолжить осенью будет даже лучше: у меня появятся гипотезы и новые вопросы... Но и тянуть не резон, – добавил Алексей Кондратьевич деловито. – Надо успеть как можно больше, пока они ещё здесь.

– Кто? – быстро переспросил Николай, не подумав.

– Старые здания. Каждому из них может прийти конец в любой момент.

До Страстного четверга они ещё успели осмотреть всего два-три строения, но господин Извольский остался очень доволен. Каждую минуту, что не были заняты обследованием строений, Алексей Кондратьевич теперь заполнял, рассказывая Николаю всё, что знал о масонах и других тайных обществах.

Николай перед отъездом наведлся на Никольскую – пройтись по книжным развалам. Он и прежде смотрел там книги, но не покупал, а приценивался и присматривался. Теперь же решил твёрдо что-нибудь выбрать: хотел за лето, вдали от библиотек, прочитать что-то стоящее. Что именно назначить достойным внимания, он не решил и листал разное.

Менее прочего его интересовала беллетристика: что проку читать про выдуманную жизнь? Времени жалко, да и денег. И надо ж такому случиться: в конце концов выбрал себе для летнего чтения роман, да ещё с продолжением – целых две книги! Однако после занятий с Алексеем Извольским, долгих бесед с ним нельзя было не заинтересоваться, углядев название «Великий розенкрейцер». Тут же лежали и «Волхвы».

Николай стал листать, ожидая обнаружить в толстенных томиках на каждой странице описания всяческих неправдоподобных приключений, тайных обрядов, символических жестов и загадочных эмблем в виде черепов с костями да циркулей с мастерками. Сначала наткнулся на длинное, очень подробное описание обряда посвящения, отвечавшее в полной мере его ожиданиям. В других кусках текста, которые удалось выхватить, попадались серьёзные, вдумчивые рассуждения, герои решали сложные философские задачи, чтобы принять в своей жизни некие непростые решения. Автор, должно быть, неплохо знает предмет, о котором пишет.

Страсть как хотелось узнать побольше о масонах! А никаких других книг на эту таинственную тему не встретилось. Николай отдал отложенную на летнее чтение зеленушку, предварительно для порядка аккуратно сторговавшись на эту трёшку аж с четырёх рублей: книжки-то потрёпаны!

Он совершенно несолидно, по-деревенски сунул книги за пазуху, чтобы ненароком не уронить где-нибудь посреди мостовой. Переходя улицу с оживлённым движением, только держись: гляди в оба, чтоб не толкнули да не сбили: каждый бежит или несётся в экипаже кто во что горазд. Томики прижались к животу приятной, тёплой тяжестью.

Подходя к месту условленной заранее встречи с господином Извольским, Николай вдруг подумал, что нужно было отложить книги и прежде, чем покупать, посоветоваться с Алексеем Кондратьевичем. Однако сожалений о проявленной неосмотрительности он почему-то не испытал. Едва поздоровавшись, похвалился приобретением.

– О, Всеволод Соловьёв! – воскликнул господин Извольский уважительно. – Превосходный автор! Его серьёзные романы нудноваты, а от «Волхвов» и «Розенкрейцера» получишь большое удовольствие: легко написано. И трогательно, пожалуй. Ну а что доктор определил у тебя? Был ты у доктора?

Николай коротко рассказал, что всё у него в порядке: чахотки нет, а есть порок сердца, который открылся после перенесённого на ногах воспаления лёгких, но и тот со временем перестанет донимать, если малость побережётся.

В тот день они распрощались до осени. Николай уже совершенно подготовился ехать домой, в деревню. Алексей Кондратьевич в Москве и на службе до июня, а дальше едет в компании отца в южные края на всё лето. Они должны остановиться на курорте при водолечебнице в предгорьях Кавказа, а затем поселиться на съёмной даче у моря, в Крыму. Алексей Кондратьевич ещё не знал адресов. Николай записал для него свой. Уговорились, что господин Извольский даст весточку, если ему будет что сообщить своему помощнику полезного или же безотлагательного.

Николай, возвращаясь к себе, думал о том, до чего же интересно путешествовать, а в особенности – побывать в горах и у моря.

– Отвык в Москве топором махать, – констатировала мать своим обычным ровным голосом.

Вряд ли она желала поддеть только что вернувшегося сына. Просто что заметила, о том и сказала. Но Николая царапнуло.

– Почему? Что не так? – спросил он спокойно, стараясь не показать, что задет.

– Всё отдыхаешь.

Николай молча наклонился и продолжил размеренно бить по объёмистому комлю, «подаренному» матери соседом. Вот уж воистину: «На тебе, боже, что нам негоже!» В глазах опять начало темнеть. Он закусил губу, но не остановился для новой передышки. Постарался дышать ровнее. Вроде помогло. Мать снова ушла в дом, захватив несколько сухих чурок из поленицы.

Нипочём он не сознается, что потерял в городе часть богатства, полученного при рождении: крепкого здоровья! Пусть и нет его в том ни вины, ни оплошности. Не зря говорится: «Москва бьёт с носка». А всё же стыдно: уходил-то за лучшей жизнью. И никому не объяснишь, что Москва сполна оправдала его ожидания: там жизнь интересна – лучшей и пожелать нельзя.

Комель давно превратился в грудку чурок, другие кругляки пошли в ход.

– Коля, хватить: класть некуда!

В ровном голосе послышались примирительные интонации.

Он не заставил себя уговаривать: убрал топор, сложил уже наколотое, часть снёс в дом.

– Ты не болеешь? – вдруг спросила мать.

Ещё не легче!

Врать не хотелось, и Николай, вместо обороны, перешёл в нападение.

– С чего ты взяла? – спросил лёгким тоном, будто посмеиваясь.

– Бледный ты. И какой-то... Будто ослаб.

– Да ну, мам! Выйду в поле – загорю. Огород перекопаю тебе. Огород-то ещё не весь перекопали?

Старший брат Василий отделился, поставил дом и после женитьбы разрывался между собственным хозяйством и помощью матери.

– Не весь. Тебе оставили на долю... Коля, а ты простил мене? – спросила мать таким тоном, будто продолжала разговор об огородных грядках.

Однако у него возникло ощущение, что она завела речь о чём-то, крайне важном для себя, и приготовилась к тяжёлому объяснению.

– За что? – удивился он.

– Ну так... ну так... – взволнованно замялась мать. – Что соврала тебе... Тогда-то...

Ёкнуло сердце. Единственный раз в жизни мать соврала ему. Больше случаев таких не представилось, чтобы врать. Неужели она о том, о тогдашнем?! А ну как ошибся? Пусть уж сама скажет.

– К Манечке не пустила тебя, – закончила мать, овладев собой.

Угадал! Николай с облегчением улыбнулся. Ему не приходило в голову, что она помнит и тем менее – что винится.

– Я не маленький давно. Ты меня, несмышлёного, гнала, чтоб не заразился. Чего я понимал-то? А упрямства семь пудов.

– Ты в Манечке души не чаял, – улыбнулась мать с неожиданной робостью, – так убивалси.

– Не соображал, что тебе во сто раз хуже.

Он внезапно совершенно по-новому понял вечную сдержанность матери, её суровость. Он всегда считал, что та по натуре не склонна к сильным чувствам. А она, оказывается, боялась. Всё время боялась, что сын оттолкнёт её, как делал в первые дни после смерти любимой сестрёнки, сидя, зарёванный и нахохленный, под кустом у забора. Вся картина сложилась! Потому-то мать всегда была особенно суха с младшим. К остальным же детям проявляла суровость из природного чувства справедливости: если Кольке не достаётся её ласки, то и другим не положено большего. К тому же детей полезно держать в строгости, чтоб им потом жилось легче...

Мать подошла сзади, неловко провела рукой по его волосам, порывисто обняла за плечи и отпрянула: отвыкла нежничать с детьми. И хорошо, что отпрянула: Николай тоже давным-давно отвык от её ласки и не знал, как отвечать. Захотелось убежать, спрятаться. Но это обидит её. И вообще – трусость.

– Коля, чай будешь? – неожиданно сменила тему мать.

От неожиданности он не успел ответить, и мать добавила:

– Я положу мяты.

Он любил чай с мятой – мать знала. Как же она переменялась после короткого разговора! В жизни она не старалась никому из детей угодить! Её внезапно проснувшаяся нежность отчаянно трогала, но и пугала. С непривычки, что ли?

– Налей, – выдавил Николай, опустив голову, чтобы не было заметно, как он покраснел от смущения.

Мать налила и себе чашку, вынула из печи драчёны на большой сковороде. Из обычного пшена и яиц у неё всегда получалось отменное блюдо, не хуже праздничного пирога. Николай деликатно отрезал себе небольшой кусок в расчёте на то, что зять с Полей, сестрой, заглянут вечером, и надо оставить на их долю. Василий-то с молодой женой на ярмарке в Касимове. Мать решительно заявила:

– Ешь покуда. Ещё кулич есть, и пасха осталаси, куриная похлёбка в печи. Всем хватить.

Они долго сумерничали вдвоём. Мать просила ещё и ещё рассказывать о московской жизни. Николай старательно выполнял просьбу: вдруг ей правда интересно! Рассказал и про молодого господина, который ради научных изысканий лазит в пыли и плесени – измеряет подвалы да кладовки в старинных особняках. Упомянул не без гордости и о своей причастности к научным поискам. Умолчал только, что проникать в особняки приходится порой без ведома хозяев.

Лето Николаю выпало на редкость хорошее. В родном доме он оказался на положении почётного гостя. В прошлом году он привёз родным полезных подарков, а в этом, благодаря щедрой оплате господином Извольским нехитрой помощи, а также подённым заработкам, удалось ещё подкопить для матери денег. Мать не раз заводила разговор:

– Зачем это? Ты учиться хотел. Эти деньги и возьми. Я без них проживу.

– Буду учиться, мам. Ещё заработаю. Уж в Москве не заработать! Что привёз – твоё, – отвечал Николай небрежно, тщательно скрывая гордость.

Он делал всё, что требовалось: копал, косил, поправлял обветшавшие постройки. Но делал исключительно по собственной доброй воле. Мать не то что не распоряжалась им, а даже и не просила ни о чём. Разве что изредка скажет как о чём-то отвлечённом:

– В курятнике стену повело. Щель-то с палец, а кунице хватить. Но пока ничего, не ходить...

Было ясно: если Николай вовсе не отреагирует на её жалобу, она не попеняет, даже не подумает о нём плохо. Но он с радостью брался за работу, потому что силы в нём так и играли. Одышка, если и появлялась, то лишь ненадолго заставляла приостановиться.

Девушки поглядывали на Николая с интересом. Ничего особенного в плане наружности он собой не представлял, но числился теперь москвичом. Он, впрочем, не имел далеко идущих намерений, поэтому осторожничал, близкой дружбы не заводил ни с одной. Тем более что девушки после того, как насмотрелся на городских, как-то не очень впечатляли, да и разговоры с ними выходили простоваты. А уж на вечерках, когда собирались девки и парни поплясать, поперемигиваться да пообжиматься, Николай откровенно скучал: общих интересов с деревенской молодёжью у него почти не осталось. Разве что один-единственный.

В результате продержался особняком Николай недолго. Лишь до того момента, пока ему не подмигнула бойкая и весёлая Аня. Всего через неделю после того, как подмигнула, они уже целовались. Он – впервые в жизни, а Аня – нет. Та целоваться, определённо, умела. Занятие это Николая увлекло.

Он возвращался домой поздно по опустевшей улице. Удивился, когда в темноте заступил дорогу знакомый парень из соседней деревни. Железной рукой взял за плечо и тяжелодохнул в лицо. Драться, что ли, надумал? С какой стати? Николай прикинул, как вывернется из-под руки и даст сдачи.

– Ты в городе года два проболталси, да? Ты один не знайишь, вот Анька к тебе и подкатила. Смотри сам, хошь спать на соломе, нет ли. Я тебя предупредил – по-свойски. Ну, доброй ночи!

Говорил приятель детства спокойно и небрежно, удалился быстро и с достоинством. Сам Николай обычно вёл себя так, когда хотел сдержать или скрыть наплыв чувств. Впоследствии Аня подтвердила, что прежде «гуляла» с тем пареньком, но бросила: «Пыхтить-пыхтить... Ну его!»

Странно! Николай стал остро замечать, что близкие и вообще все земляки говорят не так, как москвичи. Он впервые обратил внимание на различие говоров, покрутившись в среде чернорабочих в Москве. Впоследствии научился выделять именно московскую речь. В первое лето не так чувствовал контраст, а теперь посреди разговора порой останавливался в замеша-

тельстве: как произнести то или иное слово? Привычное с детства уже не казалось ему единственно возможным и правильным...

Насчёт «соломы» подтвердилось, да и глупо было бы сомневаться. Но как же Николай смеялся над фразой приятеля, произнесённой мрачным тоном, когда осознал, что впрямь нежится с Анькой на прошлогодней соломе! Осознал – уже после того, как рассеялся сладкий угар.

Ровное, тёплое и не мокрое лето стлало столько душистых постелей!

Впрочем, Николай не пренебрегал ради встреч с Анькой работой и вовсе не стремился проводить с той всё свободное время. Для роздыха на покосе, с наслаждением вытянувшись в тени, он открывал «Волхвов». Неторопливо, со вкусом поглощал страницу за страницей. Читал даже долгим июньским вечером, пристроившись во дворе на крыше собачьей конуры, где было посветлее. Освоив первую толстую книгу, взялся за «Великого розенкрейцера».

От матери его похождения с Анькой не укрылись. Мать помалкивала, но и провожала, и встречала сына со свиданий она всегда благосклонно.

Все встречи с Аней были наполнены ароматами лета – луга, леса, хлебного поля, речного берега, были пронизаны светом солнца, и звёзд, и закатного пламени облаков. Были для него чисты, как колодезная вода. Прежняя биография девушки в сознании Николая вовсе не пятнала его с ней нынешних отношений.

Между тем связывать себя семейными узами с кем бы то ни было он пока не собирался, а ответственным лично за Аньку себя точно не считал – по понятным причинам. Тем более что та держалась вполне независимо: с лишними нежностями не приставала, о будущем не загадывала. Где-нибудь на лугу случайно застав Николая за чтением, она не старалась отвлечь его, не теребила. Неопределённо хмыкнув, небрежно целовала в губы и со словами «Читай-читай!» удалялась по своим делам, а впоследствии не обижалась и не пеняла, что пренебрёт её обществом ради книги. Сама Аня была неграмотной: заленилась учиться в школе и с первого же класса бросила, хотя мать разрешала ей ходить. Мать вообще слишком много ей разрешала: сама не держалась строгих правил.

Николай вскользя удивлялся самому себе: как это он книгу иной раз предпочитает времяпровождению с девчонкой?! Зато уж когда переключался на Аньку, забывал обо всём. Но ненадолго – лишь на то время, что оставался с ней рядом.

Из московских гостинцев он, как знал, придержал маленький, яркий платок и подвеску на шею – не отдал ни матери, ни сестре. Вот и пригодились: подарил Ане. И то, и другое пришлось ей очень по вкусу: ярко и необычно – не как у всех. Но она даже не целовала кавалера в благодарность. Любовалась, бережно прятала – и всё. Потом носила – Николай видел. После второго подарка сказала просто:

– Возьму уж. Красиво! Будет память. Больше не дари.

– Что так?

– А не нужно. Я не гулящая. Я просто... весёлая. Я – за так.

– Разве дарят только гулящим?

– Ещё невесте. – И она добавила без сожаления: – Но ты не женись на мне.

Николаю ничего не оставалось, как честно промолчать. Может, Аня и надеялась на лучшее, но, по виду, не огорчилась.

– Да и бог с тобой! – И потянула его повторно в изрядно потрёпанный с одного боку стог.

Для привычной и обычной деревенской жизни Аня была словно чужая – как будто и не жила, а играла в синемаграфическом театре... Нет, не так. Для героини фильма она была слишком настоящей... Аня как будто явилась из другого мира, больше похожего на московский, но и то – неуловимо иного: свободного, лишённого условностей, забот о будущем и о хлебе насущном, броского, наполненного чувственными радостями...

К середине августа произошло сразу два события, связанные между собой некими таинственными нитями.

Во-первых, Николай дочитал Всеволода Соловьёва. Голова была полна вопросами и соображениями, которые хотелось обстоятельно обсудить с Алексеем Кондратьевичем. Николай не смог отнестись ко всему прочитанному как к выдумке. Масоны – герои романов – стояли перед ним, как живые. Он мог поверить, что этих людей в реальности по-другому звали, может, и внешность, и обстоятельства жизни были другими. Но суть того, что происходило с ними, представлялась ему безоговорочной истиной. Он даже отметил в книге карандашом, с чем соглашался в рассуждениях автора, а что требовало дальнейшего прояснения.

Во-вторых, от Алексея Кондратьевича пришло открытое письмо! Теперь старший товарищ написал, что вернулся с курорта, что есть работа для Николая, и хорошо бы тому приехать в Москву возможно скорее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.